

Олег Белоус

Когда заговорили пушки

Попаданцы в стране царя Петра часть 3

18+

Олег Белоус

Когда заговорили пушки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Белоус О.

Когда заговорили пушки / О. Белоус — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Пришло время городу попаданцев в конец 17 века: Мастерграду, прогнать под себя мир, но оказалась что они попали в Прошлое не одни. В Северной Америке строят собственное государство индейцы-навахо и настроены они по отношению к коллегам по попаданству далеко не дружественно. Третья книга.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Предисловие

Апрель 2011 года. Небольшой российский город, каких в провинции тысячи, вместе с десятикилометровой сельской местностью переносится в 1689 г. нашей эры на еще не колонизированный русским царством южный Урал. Вокруг степь и дикая тайга. У попаданцев есть только оставшиеся с советских времен полумертвые заводы, ГРЭС на окраине города, несколько тыловых воинских частей и небольшой аэродром с вертолетной группой. Семьдесят тысяч горожан и несколько тысяч деревенских жителей, оказались перед необходимостью как-то выжить в жестоком мире религиозных войн и процветающего крепостничества, безжалостного пиратства и торговли рабами. Неприятности начинаются с первых дней, но городу повезло, его возглавляет волевой градоначальник: Виктор Соловьев, правда далеко не безупречный с точки зрения морали и закона. Он получает чрезвычайные полномочия, а город начинает приспособляться к миру вокруг. Крестьяне объединяются в сельскохозяйственные кооперативы, крупные заводы переходят в собственность города, но и частное предпринимательство никто не запрещает. Молодой офицер: лейтенант Александр Петелин оказывается в гуще событий. Окрестные кочевники нападают на окружающие город деревни попаданцев. Богатства у пришельцев по мнению нищих аборигенов просто немыслимые. По приказу руководства офицер участвует в карательной экспедиции и освобождении рабов-попаданцев.

Следующим заданием молодого офицера стала охрана строившегося разреза. Без угля город потеряет все технологические преимущества перед аборигенами и замерзнет во время суровой уральской зимы. Правитель казахского ханства: Тауке-хан узнает о городе пришельцев. Соблазненный его немыслимыми богатствами, он принимает решение захватить его и атакует небольшую факторию при угольном разрезе, перекрывавшую путь к городу. Нападение с треском проваливается, а после воздушной бомбардировки уstraшенные казахи просят пришельцев о перемирии. В ходе переговоров Тауке хан договаривается о военной поддержке города попаданцев в застарелой войне с джунгарами. Далеко не бескорыстно Виктор Соловьев соглашается. Александр Петелин становится неуютен из-за невесты Оли, дальней родственницы Соловьева. Лейтенант в зятях градоначальнику не нужен. Неуютного офицера отправляют вместе с вооруженной экспедицией далеко на восток к Джунгарским воротам: узкому проходу из Монголии в Казахстан.

В городе попаданцев наряду с положительными переменами: засеяли пахотные земли, установили торговые отношения с соседями и реанимировали заводы, жизнь стала намного беднее, появилось множество недовольных. «Лучшие» люди города во главе с ловким демагогом и очень амбициозным человеком, предпринимателем и депутатом городского Собрания Федором Романовым решают захватить власть. Попытка сравнительно мирного перехвата управления с помощью толпы недовольных не удастся. Военные и милиция, понимающие что бунт в осажденной крепости сравним с самоубийством, разгоняют попытку «цветной» революции. Федор Романов решается на ликвидацию Главы города с помощью наемного убийцы. Благодаря случайности покушение заканчивается неудачей, но в нем погибает жена градоначальника. Глава заговорщиков спасая жизнь бежит в Россию. Он надеется, что благодаря знаниям из двадцать первого века займет важное положение при царском дворе. Город завязывает торговые связи с русскими именитыми купцами Строгановыми, о нем узнают при дворе царевны Софьи. И там и там появляются планы как использовать попаданцев для своей пользы.

Начинает работать железная дорога на юг, к угольному разрезу. Составы с первым углем идут на ГРЭС. После уборки урожая, когда горожане обеспечили себя едой, а промышленность перестроилась на выпуск необходимой попаданцам продукции, новые идеи возникают в голове у градоначальника. Виктор Соловьев решает готовить город к столкновению с Москвой, он убежден в необходимости покорения России. Против этого резко выступает военная верхушка

города от военных и милиции до фсбшников и казаков. Вызревает новый заговор против Виктора Соловьева. Ударной силой заговорщиков выступает вернувшийся после сражения с джунгарами взвод Александра Петелина. У него собственные счета с градоначальником. На этот раз заговор оказывается успешным...

После успешного переворота власть в городе попаданцев попадает в руки временного военного совета во главе с бывшим начальником пожарных Степаном Чепановым. Новые правители не стали менять экономическую политику прежней администрации. Продолжилось создание необходимых для выживания производств, перевооружение армии. Новые заводы, собранный по осени богатый урожай позволили значительно расширить ассортимент магазинов. Напряжение в городе заметно спало, его переименовывают в Мастерград. Александр Петелин наконец женится на Оле.

Добравшегося до России Федора Романова ловят и пытаются в застенках Разбойного приказа. Его подозревают в колдовстве и злоумышлении на царя. По приказу Петра первого, уже слышавшего о чудесном городе попаданцев, узника забирает доверенный помощник князь Ромодановский.

Сбежавшие в первые дни после Переноса уголовники во главе с атаманом по кличке Чумной попадают в засаду стрельцов. Спасти удалось только атаману и его любовнице. Он принимает решение пробираться в Европу. Зимой 1689 – 1690 года мастерградское посольство отправляется в Москву, налаживать связи с Русским царством. Одним из руководителей посольства назначается старший лейтенант Александр Петелин.

Отношения к Мастерграду в высших кругах русского царства колеблется от любопытного и настороженного до резкого неприятия. Недовольный появлением у трона новых лиц и репрессиями в отношении поддерживавших царевну Софью родственников, влиятельный клан аристократов Голицыных устраивает боярский заговор, направленный против мастерградцев и Петра первого. Впоследствии к нему примыкает старший Строганов и англичане. Несмотря на это послам попаданцев удастся заключить договор о вечном мире и союзе с Россией. Продолжающаяся война с Оттоманской Портой, острая нужда в оружии и сильном союзнике, немало способствует этому. Город обязуется поставить России вооружение, инструкторов и передать координаты известных попаданцам месторождений.

По пути в Европу Чумной попадает в засаду людей Голицына и вместе с любовницей попадает в плен.

Известие о появлении на далекой восточной окраине континента, перенесенного из будущего города, проходит для Европы почти незаметно. Обеспокоились только папский престол и английская Московская компания. По указанию руководителя компании для налаживания связей с Мастерградом в Россию выезжает доверенный агент Вилберн Лэнгфорд. Переговоры терпят фиаско, мастерградцы не согласны ни на передачу англичанам технологий из будущего ни на их монопольное положение в торговле с городом попаданцев. Железнодорожная магистраль из Мастерграда достигает района будущего Магнитогорска. Строящийся там металлургический кластер обещает завалить мир дешевыми и качественными изделиями из железа и стали.

Мастерградцы через Меньшикова подбрасывают Петру материалы о грядущей измене любовницы Анны Монс, царь рвет с ней отношения и высылает из страны. У Александра Петелина рождается сын.

Попаданцы осваивают речной путь с Урала через Каспийское море в Москву, поток диковинных товаров хлынул в Россию и оттуда дальше в европейские страны. Англичане вместе с заговорщиками пытаются свергнуть царя и организуют бунт стрельцов, вспыхнувший на несколько лет раньше, чем в известной попаданцам истории. Обученные мастерградскими инструкторами бывшие «потешные» полки успешно его давят. Под влиянием мастерградцев казнят только заводил, а остальных бывших стрельцов ссылают на Дальний Восток с усло-

вием отвоевать недавно потерянное Приморье. Бояре Голицыны посылают убийц к старшему послу Мастерграда Петру Рожковскому, а затем к царю. В качестве киллера принуждают выступить Чумного. После убийства посла он нападает на сопровождающих его боевых холопов и освобождает из подмосковного имения Голицыных любовницу. После бегства из страны Чумной попадает в Стокгольм, где добивается аудиенции у королевского советника Юхана Юленшерны, принимающего услуги бывшего бандита. Благодаря полученным от него сведениям в Швеции начинается бурный технический прогресс. После неудачных родов бывшей любовницы, во время них она и, ребенок погибают, Чумной заканчивает жизнь самоубийством.

В июле 1693 года Мастерград успешно отбивает нападение нанятых старшим Строгановым казаков. Тот скрывается в уральской тайге, его наследники выплачивают городу крупный штраф.

Петр первый отправляется в поход на Азов. С помощью мастерградцев штурмом захватывает его. Русская армия железным катком проходит по Дикому полю вплоть до границ Молдавии. После уничтожения османского флота и воздушной бомбардировки Стамбула Оттоманская Порта соглашается на мир. Царь женится на мастерградке Марии Алексеевне.

В России как грибы после дождя растут совместные с мастерградцами «кумпании», колонизируется бывшее Дикое поле. По всей стране реконструируются речные волоки, новые, железные «кони» перетаскивают корабли. Осваиваются новые сельскохозяйственные культуры: картошка, помидоры и другие. Крепостное право смягчается, государевым крестьянам даруется свобода, для остальных возвращается Юрьев день. Вводится обязательное трехлетнее образование, в стране появляются высшие учебные заведения, проводится прививочная компания от оспы. К началу 1699 руки у попаданцев доходят до строительства железной дороги Мастерград-Казань.

В Европе начинается войны за испанское наследство. Воспользовавшись тем, что Западе заняты внутренними проблемами, русское царство объявляет войну Шведскому королевству. С помощью мастерградцев молниеносным ударом захватывается Прибалтика.

Глава 1

Май 1701 года. Форштевни судов упрямо резали серую балтийскую волну. Две длинные колонны шведских кораблей приближались к цели. Огромные паруса, наполненные соленым, пропахшим йодом и рыбой ветром с каждым мигом приближали одиннадцать линейных кораблей, десять фрегатов из них три паровых и тридцать торговых кораблей с десантом и припасами к цели: захваченной русскими варварами Риге. Дикари на диво быстро, за зиму, сумели выбить законных хозяев из восточной Прибалтики. Но шведы это поправят! Матросы и солдаты спокойны и веселы и, уверены в грядущей победе. С таким королем как у них разве могут быть сомнения! Саксонцев, поляков и датчан раскатали в тонкий блин. Недаром умные люди толкуют, что наш Карл Двенадцатый прославит свое отечество. Настала очередь русских варваров почувствовать умыться кровью, разве может случиться по-другому?

Вчера вечером появившееся на горизонте маленькое облачко стремительно разрослось, ветер погнал по волнам пенные гребешки, небо заволокло, пошел холодный дождь, а потом ударил шквал такой силы, что бывалые капитаны всерьез испугались за сохранность парусов. Высокие волны суматошно закачали новейший линейный корабль первого класса Enigheten, на котором шел король Карл Двенадцатый шведский. К счастью, стихия бушевала недолго. С утра небо посветлело, тучи разошлись, а шквал ушел на юга-запад в сторону северной Германии. Чайки, вечные спутники кораблей, с криками носились над серо-зелеными волнами, изредка стремительно пикируя к воде затем взлетая к балтийскому небу с серебристой рыбешкой в клюве. Под теплыми лучами весеннего солнца водная гладь ласково блестела. Даже суровые боцманы, казалось, не так злобно ругали провинившихся матросов. Долгое путешествие, рискованное из-за вероятности нападения богопротивных воздушных кораблей мастерградцев, подходило к завершению. Полдень. Еще пара часов и вот он долгожданный берег.

Юноша в простом синем мундире, которому через месяц исполнится девятнадцать, на юте корабля (кормовая часть верхней палубы) опирался руками о высокий фальшборт. Свежий, пропахший запахом йода и гниющих водорослей ветер настойчиво развивал густую темно-русую гриву волос. Он поглядел вверх. По высокому светло-голубому северному небу торопливо бежали легкие белые облачка. Хорошо! Вот только настроение ни к черту. Русские варвары посмели отобрать у шведского льва Прибалтику, а ему пришлось ждать весны пока подтянется флот и войска к Данцигу. Гневно фыркнув, повернулся к свите. Король Карл двенадцатый, как подобает истинному рыцарю, лично возглавил поход. Поддержнув длинным мясистым носом, словно на что-то сердясь, покосился на неприметного, в черном камзоле чело-вечка из свиты. Мальчишеское, но уже слегка одутловатое лицо, покрасневшие глаза, крепко сжатые узкие губы – все выражало недовольство. Слегка дернул щекой, его прямой, словно меч, натуре претили лазутчики и разведчики, но важность их в деле войны он признавал.

– Ну и что показал русский шпион, – деланно безразличным тоном поинтересовался король.

– Ваше величество, – склонил голову вопрошаемый, – несмотря на примененные к нему меры убеждения он молчал.

– Почему молчал? – поинтересовался король, – Что с ним?

– Он умер.

Король недовольно дернул щекой, в покрасневших от бессонной ночи глазах загорелся гнев.

– Господин королевский прокурор, агенты московитов делают в моей армии что хотят! – с заметным раздражением произнес он, – Где гарантия что пойманный это последний? Они неуловимы, они повсюду!

Королевский прокурор невозмутимо склонил голову, скрывая горящий взгляд и негромко, но почтительно ответил:

– У русского оказалось слабое сердце, но расследование продолжается. Ваше Величество, терпение...

– Плохо господин прокурор, – недовольно произнес царственный юноша и отвернулся к морю. Свита застыла в молчании.

Прокурор вспомнил последний допрос, еще до выхода эскадры из порта Данцига. Он велел повесить шпиона. На таких презренных людей как шпион москвитов не распространяются законы цивилизованных государств. Профос принес готовую петлю, перекинул ее через балку у потолка. Русский, плечистый и сильный человек лет тридцати, вздохнул, бросил усталый, измученный взгляд на видневшийся в зарешеченном окне кусочек синего неба и молча опустил голову. Профос надел петлю ему на шею и вопросительно посмотрел на прокурора, русский лишь упрямо сжал губы.

Прокурор поднял руку в перчатке с раструбом, запрещая палачу действовать и едва заметно поморщился. «Ничего не получится. Этот упрямец так и продолжит молчать, но долг повелевает мне использовать все возможности!»

– Ты еще можешь сохранить жизнь! – произнес он, ставя перед собой на стол песочные часы и указывая на них пальцем, – Через три минуты песок пересыплется из верхнего сосуда в нижний. За это время подумай о жизни и смерти. Ты можешь заслужить королевское прощение если ответишь на интересующие меня вопросы.

Он перевернул часы, золотой ручеек песчинок полился вниз. Поднявший голову русский вновь ее опустил. Где-то за окном пели беззаботные весенние птицы, а в подвале царило безмолвие, пахло гнилью и человеческой болью. Профос мрачно смотрел на будущую жертву, рука цепко сжимала туго натянутую веревку.

Последняя песчинка упала в нижний сосуд. Прокурор нервно стиснул руки, потом вскочил и раздраженно прошелся по подвалу.

– Тебе не удастся так легко умереть! – остановившись напротив русского произнес он, – Я раздумал. Тебя не повесят, а будут бить кнутом пока ты не ответишь на мои вопросы.

Петлю с шеи русского сняли. Он поднял голову, во взгляде сверкнула такая свирепая ненависть, что швед невольно отшатнулся от беспомощного узника. Профос поставил широкую скамью и привязал к ней русского толстыми пеньковыми веревками. К полудню тот скончался, так и не ответив ни на один вопрос. Дикари, подумал прокурор. Надо быть безумцем или глупцом, чтобы затевать войну с таким народом. Они совсем не ценят жизнь и готовы ее отдать лишь бы нам навредить....

Карл уперся взглядом в далекий горизонт. О выходе в море эскадры русские несомненно знали и корабли обнаружили еще вчера незадолго до вчерашнего шквала. Почему же их нет? Знаменитые корабли Mastergrad изрядно попортившие кровь Royal Navy еще тащатся вдоль Норвегии, но где же воздушные корабли? Я заготовил им несколько сюрпризов...

Royal Navy – Английский королевский военно-морской флот.

Зловещие резкие звуки, сигнал воздушного нападения, раскатились над морской гладью, заставляя людей оборачиваться, тревожные взгляды останавливались на трубаче. Тот закончил дуть и опустил сверкающий на солнце медный рог к ноге. Смутный гул пронесся среди свиты, мгновенно пропавший, когда король упер в лица стылый взгляд прирожденного убийцы. Повернувшись на восток, Карл поднес к глазам услужливо подsunутую кем-то из придворных подзорную трубу. Белоснежные тучи летели по-весеннему, синему небосводу. Там, где оно смыкалось с волнами, появились две черточки. Несомненно, это воздушные корабли Mastergrad. Он довольно осклабил и зло поджал губы. «Сейчас мы проверим достаточно ли

того, что придумали, для отражения атаки! Не зря ли столько полновесных риксдалеров потратили на стрельбы по летающим мишеням и составлению таблиц поправок для стрельбы по воздушным целям!» Ужасающая эффективность воздушных кораблей против флота османов была до сих пор на слуху у моряков Европы. Повернувшись к свите, разыскал взглядом высокого, худого адмирала Ватранга. Лицо словно вырублено из стойкой к жизненным невзгодам шведской березы:

– Надеюсь, что хоть вы меня порадуете!

– Без сомнения Ваше величество, – хмуро ответил адмирал, слегка склонил рыжую голову и добавил, – С Вашего разрешения я покину Вас?

Дождавшись кивка, придерживая рукой шпагу на боку, торопливо удалился. Под яростное пение горнов громко стуча башмаками на палубу выбегали матросы. Одни под ругань боцманов торопливо убирали паруса. Другие с монструозного вида многоствольными фузеями в руках, что-то вроде пиццали сороковой, только переносимой одним человеком, занимали позиции по периметру судна у фальшборта. Третьи с лопатами и большими железными щипцами в руках становились у раскрытых ящиков с песком, лучшей защитой от зажигательных бомб Mastergrad. На носу и корме корабля выстроились пехотинцы в синих мундирах с желтыми поясами и с мушкетами в руках. Корабль и вся эскадра готовились к отражению атаки воздушных хищников.

Пиццаль сороковая – многоствольное артиллерийское орудие.

– Ваше Величество! – обратился к королю камердинер граф Вреде, – Здесь опасно, было бы благоразумно спуститься в Вашу каюту...

Карл обернулся и несколько мгновений пристально смотрел в глаза побагровевшего графа, от чего тот судорожным движением провел длинными пальцами по бакенбардам, затем широко зевнул в лицо обескураженному придворному. Мои славные каролинеры будут драться, а я спрячусь в каюте. Ему! Кому суждено славой соперничать с Александром Македонским? Как бы не так!

Губы плотно сжались в злую ниточку. Он наклонился к графу и приказал:

– Распорядитесь насчет обеда, пускай несут сюда.

– Что? – переспросил обескураженный граф.

– Поесть пусть несут черт возьми, или вы хотите, чтобы я умер от голода? Я желаю пообедать здесь, на свежем воздухе! – тоном приказа произнес Карл и вновь отвернулся к приближающимся воздушным кораблям. Их уже можно наблюдать невооруженным глазом. Граф коротко поклонился королевской спине и ушел исполнять приказание.

Два лакея торопливо принесли походный стол со стулом, разложили, расставили столовые приборы и тарелки. Король уселся и с самым невозмутимым видом начал обедать, изредка поглядывая на приближающиеся воздушные суда. Придворные волей-неволей держались позади. Когда король изволит принимать пищу их долг находится рядом и ожидать повелений. Солдаты и матросы старательно делали вид что они не видят развернувшееся на носу корабля представление, лишь изредка разрешая себе бросить в сторону короля обожающий взгляд. Он с ними! Значит все будет хорошо!

Король положил на тарелку недоеденную птичью ножку. Воздушные суда русских уже почти поравнялись с передовыми кораблями эскадры. С плохо скрываемым нетерпением покоился на генерала Реншельда.

– Ну и?

– Сейчас Ваше величество!

На судне воцарилась напряженная тишина. Слышался только надоедливый плеск волн да крики сопровождавших эскадру чаек. И король с придворными и даже последний матрос

или пехотинец с замиранием сердца ждали приближение крылатой смерти. О том, что точно такие же воздушные корабли сожгли флот османов, знал последний матрос.

С передового судна в небо с шипением и воем понеслись несколько хвостатых комет и разорвалась таким безопасными внизу, но угрожающими смертью тому, кто в небе, звездочками-осколками. Они лишь немного не дотянулись до воздушных кораблей Mastergrad. Мотодельтопланы, словно застигнутые врасплох умелым охотником испуганные птицы, начали поворачивать в сторону моря, но недостаточно быстро. Офицер на корме переднего корабля прокричал что-то неслышимое и махнул зажатым в руке клинком.

«Бах! Бах! Бах!» – порыв ветра донес эхо выстрелов. Нестройный залп стрелков то же не достиг цели. Воздушные корабли продолжали лететь в сторону открытого моря, одновременно набирая высоту. Солнце зашло за тучу, потемнело.

– Не нравится! – зло хохотнув произнес король, тыча в сторону мотодельтапланов птичьей косточкой.

– Это им не османские корабли жечь! Перед ними потомки викингов, наводивших ужас на Европу! – с апломбом произнес граф Вреде. Если бы не бледность лица и выражение глаз, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая, ресницами, его можно было принять за записного храбреца.

Король не ответил, лишь с иронией покосился на придворного. Он был уверен, что русские так просто не уйдут. И правда развернувшись, и набрав высоту мотодельтопланы взяли курс на шведскую эскадру. Они летели перпендикулярно курсу колонн, с каждой минутой увеличиваясь в размерах. Придворные столпились за спиной короля, перешептываются тревожными голосами.

«Шур, шур!» Стартовали с ближайших кораблей ракеты, но не попав бессильно рассыпались звездочками и упали в волны. На этот раз воздушные корабли не свернули и продолжили приближаться к эскадре. Король досадливо машет рукой на лице почти детская обида. Как же так? Почему не сработал так хорошо продуманный план? Пехотинцы в синих мундирах с желтыми поясами поднимают мушкеты.

«Рота, залпом, пли!» – хриплым басом рявкнул немолодой офицер.

«Бах! Бах! Бах!»

Палубу мгновенно заволокло кислым пороховым дымом, быстро унесенным дувшим с севера ветром. Солдаты склоняются над мушкетами, торопливо перезаряжая их.

Мотодельтопланы упрямо продолжают надвигаться на эскадру.

«Бабах! Бабах!» Вразнобой выстрелили стрелки с многоствольными фузеями. Воздушные корабли, словно заговоренные продолжили полет.

– Helvete! – громко выругался офицер, командовавший пехотинцами, но никто не обратил на него внимания. Люди с тревогой смотрят на непреклонно приближающихся небесных хищников.

– *Helvete! – Черт побери! (на шведском)*

Град мелких бомбочек полетел вниз. Но расстояние слишком велико, большинство безвредно упало в воду, лишь две ударились о Enigheten, на палубе мгновенно вспыхнуло яркое пламя с густым черным дымом.

– Fan! (Черт! – по-шведски) – оглушительно орет краснорожий дюжий как северный кабан боцман. Матрос с шальными глазами со всех ног несется мимо отшатнувшихся в испуге придворных к борту судна. В щипцах крепко зажата брызжащая огнем бомба, капли горячей субстанции падают на палубу, ярко пылают на просоленных морем досках. Над водой с облегчением разжимает щипцы, бомба пылающей кометой рушится в балтийскую волну. Черные усы матроса смешно подпрыгнули под носом, когда он медленно выдохнул воздух сквозь

крепко сжатые зубы. Через считанные секунды падают в воду остатки второй бомбы. Моряки ожесточенно набрасывают песок на очаги возгорания. Забросав, лопатами перебросали его за борт. Огня на палубе больше нет, лишь два обожженных пламенем пятна на палубе свидетельствуют об опасности, которую избежал корабль. Карл сузившимися глазами, наблюдавший за суетой на палубе, ощутимо расслабился, довольно улыбнулся. Пусть сбить воздушные корабли не получилось, но и возгорания судна не допустили. Король оглянувшись, над несколькими судами еще вились дымки, но без сомнения не опасные для кораблей. Спокойно поднялся с места, в руке сверкнул серебром кубок. Сердце преисполнилось гордости. Его шведские матросы и солдаты лучшие в мире! С ними он завоюет северную Европу и повторит легендарные подвиги Александра Македонского!

– Я не забуду ваших трудов и смелости и достойно награжу! – произнес он, отсалютовав кубком, опрокинул его в глотку. Экипаж и солдаты на палубе ответили восторженным и дружным ревом. Еще дважды мотодельтопланы заходили на бомбежку, но высота, на которой они пролетали над кораблями была слишком велика, и лишь малая часть зажигалок попала в цель. Воздушные корабли развернулись и потянулись на восток чтобы через десяток минут скрыться из виду самых зорких марсовых.

Марсовой на парусных судах матрос, работающий на марсе.

Ни сбить ни хотя-бы поджечь воздушные корабли шведам так и не удалось. По крайней мере признаков этого они не увидели. Вскоре выяснилось, что нападение не прошло для эскадры бесследно. Один линейный корабль, два фрегата и три грузовых судна так и не удалось отстоять от огня. Экипажи и десант сняли, оставив позади пылающие на стылой балтийской воде словно огромные костры корабли, эскадра двинулась дальше. Через два часа якоря разбрызгивая прозрачные капли вошли в воду и вонзились в дно вблизи скалистого, скупое поросшего болезненно искривленными соснами берега Рижского залива всего в четырех днях пешего пути от Риги. Один за другим громадные корабли опустили паруса.

На побережье началась высадка десанта. Людей и припасы по расчетам штабных придется перевозить до утра. Спустили шлюпки, весла ударили по волнам, первые десятки пехотинцев в синих мундирах с желтыми поясами торопливо попрыгали в море, высоко поднимая над водой штуцера вышли на галечный пляж. Дальше синела озерная гладь, прикрывающая место высадки с юга. Длинные колонны вооруженных людей устремились от побережья. Через час шлюпки и баркасы успели сделать по нескольку рейсов. На берегу накопилась почти тысяча бойцов при трех орудиях. Шведы торопливо ставили лагерь. Белоснежные, серые палатки одна за одной вырастали всего в сотне метров от линии прибоя вблизи небольшой сосновой рощицы, задымились первые костры. За время морского перехода солонина и сухари успели страсть как надоесть, брюхо требовало горячего, приготовленного на огне.

– Воздушная тревога! – громко крикнул с заросшего соснами холма поставленный наблюдателем штуцерник.

На горизонте появился похожий издали на летящую на огромной высоте громадную птицу воздушный хищник. На этот раз он прилетел один.

Зазвучали громкие команды офицеров, над побережьем тревожно забили сигнальные барабаны, пронзительно запели горны. Каролинеры подожгли найденное поблизости сырое сено и навоз, клубы вонючего дыма скрыли лагерь. Торопливо стуча по каменистой балтийской земле ботинками, шведы строились в плотные формации, готовили штуцера. Залпового огня moskovit опасаются, но драться не пришлось. Воздушный корабль не стал приближаться к шведскому лагерю. Покрутившись немного в высоте, откуда прекрасно виден шведский стан и высадка десанта, moskovit улетел на юг в направлении Риги.

Карл Двенадцатый, стоя на носу многовесельной шлюпки, полной грудью вдыхал наполненный морем и сосновыми ароматами воздух. На нем сине-желтая форма без знаков различия, грубые, солдатские сапоги с высокими голенищами, на голове черная треуголка. С бока свисает длинная шпага. Шесть отборных гребцов с каждым взмахом весла приближали долгожданный берег. Море обдавало каскадом соленых брызг, солнце грело спину. Его любимые каролинеры быстро и организованно строили лагерь. Юный король был счастлив и горд своими солдатами. «Разве есть в мире хоть кто-то кто сумеет сравниться с шведами и их войском? А Mastergrad... а что Mastergrad? В Прибалтике по сообщениям шпионов всего три десятка людей из будущего. А штуцера как у петровских войск в достатке и у шведов, зато дух у потомков викингов неизмеримо сильнее. Нет сомнения, он вновь победит!»

– Здесь, – произнес король и повернул длинную голову к сверкавшему на полуденном солнце стальной кирасой генералу Реншельду. Затем ткнул ухоженным пальцем в направлении лагеря, – Мои каролинеры повторяют царю Петру полученный *moskovit* в истории Mastergrad нарвский урок!

Каролинская пехота (или каролинеры) – отборный военный экспедиционный корпус, служил шведским королям примерно с 1660 по 1721 годы.

Генерал патетически простер руку к своему повелителю. В глазах готовность растерзать любого за короля-победителя, воскликнул:

– Клянусь Ваше Величество что все так и будет и, вы вновь прославите наше отечество. Всего за год вы несколькими молниеносными ударами повергли во прах троих серьезных противников, Данию, Саксонию и Речь Посполитую. Все Европа говорит о Вашем полководческом даре! Я уверен, что с божьей милостью мы водрузим знамя Швеции над варварским Кремлем. Слава королю!

Ветер к ночи сначала стих, затем поменял направление и принялся яростно гнать волны к берегу. Это затруднило высадку, но до вечера тысячи славных нестигаемой храбростью и воинским умением каролинеров высадились на негостеприимный берег. Оставив на охрану часовых, лагерь уснул.

«Бабах!» – пахнувшая дорожной пылью и конским потом шинель полетела на пол. Король опрометью соскочил с аскетичной походной постели, в какой он ночевал с тех пор, как отправился в победоносный поход на столицу Дании Копенгаген. Он должен быть примером подчиненным в скромности и усердию в служении Швеции! Голые ступни коснулись ковра, выстилавшего землю, очумело затряс головой. Колеблющееся пламя медной светильни подсветило аскетичную впадину щеки, породистый большой нос с горбинкой. Дальние углы палатки тонули во враждебном мраке. Бросил взгляд на походный стол, на нем лежал циферблат часов мастерградской работы. Три часа ночи! Он прислушался. В лагере происходило что-то непонятное. Тяжелые шаги сотен бегущих людей. Крики. Ночные птицы со свистом разрезали воздух проносясь над шатром. Совсем рядом испуганно затыкала собачонка, судя по голосу из тех, что дамы возят с собой в каретах. Испугалась бедная неожиданной суматохи.

«Что это? Взрыв? Неужели взлетели пороховые склады? Тогда ни о какой осаде Риги и речи не может быть! Он присел обратно на кровать. Или нападение на лагерь? Надо срочно узнать, что случилось!»

– Ваше Величество! Разрешите войти! – послышался из-за тонкой парусиновой преграды взволнованный голос дежурного камердинера.

«Бах, Бах, Бах!» – нестройно выпалило не меньше роты, уж в этом Карл разбирался изрядно.

– Заходи! – воскликнул король, – что случилось, откуда взрыв и, кто стреляет?

Край парусины тотчас откинулся. Заглянувший в королевскую опочивальню придворный, в руке яркая мастерградская лампа. Сизобритое лицо перекошено от испуга. За ним вестовой – телохранитель, ростом под самый верх палатки, из роты, которую готовил еще давний перебежчик из Mastergrad. Что именно произошло придворный знал не больше своего короля. С помощью камердинера Карл быстро натянул вычищенные ботфорты и темно-зеленый сюртук, на котором в нескольких местах виднелись заштопанные следы от попаданий пуль и ядерных осколков.

Спокойным шагом, сдерживая нетерпеливый блеск глаз он вышел из палатки. Суший ад. Испуганные крики, команды офицеров, разрозненные выстрелы слились в чудовищную какофонию войскового лагеря, на который неожиданно напал враг. Люди мечутся между палатками в неверном свете факелов. Тьму лишь слегка развеивает полная луна на безоблачном, усыпанном звездами небе, между которыми суетливо шарят световые столбы прожекторов, да жадно пылающие огни в кабельтове от берега. В ярких и кровавых сполохах пожаров видно, как матросы на кораблях-неудачниках бегом тащат тяжелые лари, мелькают лопаты, бросающие песок на пылающие палубы. Вот один из прожекторов зацепился за диковинную птицу, повел ее, уже более не выпуская. Да это вновь мастерградский воздушный корабль!

Карл закипел от негодования. Царь Петр трус, бесчестный трус! Проклятый москвит! Он боится открытой встречи со шведской мощью! Вместо того чтобы встретиться в честной битве, царь Петр использует нечестные способы: воздушные корабли Mastergrad. Карл по-королевски проигнорировал тот факт, что сам использовал в сражении при деревне Клишове воздушные аппараты. Уста юного короля изрекли такое выражение, какое он не должен был знать. Неслышно подошедший адмирала Ватранг довольно крикнул.

– Залпом пли! – откуда-то издали послышался смутно знакомый королю голос.

«Бах, Бах, Бах!» – донес ветер звуки недружных выстрелов.

Вскоре воздушный хищник повернул в сторону открытого моря и скрылся в ночном мраке. До утра лагерь так и не заснул, разбирались в ущербе, нанесенном коварным противником. Худшие опасения Карла Двенадцатого о взрыве пороховых складов, к счастью, не сбылись, но ночной налет обошелся шведам потерей еще четырех кораблей и что особенно досадно, сгорел новейший линейный корабль первого класса Enigheten, на котором он прибыл на этот негостеприимный берег. Весь день Карл ходил мрачный. Угнетали не только потери, короткий сон на походной постели не принес ни облегчения, ни отдыха. Он разбил всех врагов, но вместо того, чтобы наслаждаться плодами шведской победы он был вынужден гоняться за голодными саксонскими фузилерами и пьяными польскими гусарами от Варшавы до Дрездена, а теперь еще придется учить проклятых москвитов! Ну что же, он готов! Не зря всю зиму батальоны готовились к войне с применением оружия пришельцев из будущего. Записки о военном деле, оставшиеся от беглеца из Mastergrad, Чумного, оченьгодились. Верные каролинеры научились воевать по-новому. Король Август, потеряв пушки и знамена, погиб в битве, теперь очередь царя Петра!

Следующая ночь прошла беспокойно, но слава богу обошлось без бомбежек. Лишь в отдалении напоминанием о русских кружил издали похожий на птицу воздушный корабль. Утром длинная колонна шведских батальонов выступила в сторону захваченной русскими Риги. Сухая пыль вилась над утоптанной тысячами ног проселочной дороге. Гордо реяли над треуголками каролинеров белые с разноцветной каймой полковые стяги. Карл Двенадцатый двигался на любимом Нептуне в окружении верных телохранителей из «особой» роты. Покрасневшие от недосыпа глаза, упрямо сжатые узкие губы – все выражало недовольство и злость. Еще ни один его поход не начинался так скверно и с такими потерями, но ничего он спросит за все!

Днем раньше. Вопреки расчетам Карл Двенадцатый сумел отбиться от воздушного нападения и высадить в нескольких днях пути от Риги армию: десять тысяч пехотинцев и тысячу

драгун. Сила немалая и грозная. Войско у шведов всей Европой почитаемо как одно из лучших в мире и возглавляется полководцем, уже разгромившим три немалые державы. Есть от чего призадуматься. В Прибалтике русских войск намного больше, но они вынуждены контролировать огромные территории бывших шведских владений и в несколько дней русские смогут собрать ненамного большее количество.

Ночью прогремел мощный взрыв, разбудивший всю Ригу и слышимый далеко за ее пределами. Взлетел на воздух расположенный в пригороде мастерградский артиллерийский склад. Шестеро охранявших его измайловцев погибло, но самое главное у союзников Петра осталось всего по зарядному ящику на артиллерийский и минометный ствол (20-30 выстрелов) а мотодельтопланы лишились возможности пополнить запас зажигательных и осколочных бомб. У мастерградских стрелков осталось по четыре магазина да небольшой запас патронов рассыпью у старшины. Пока еще непонятно, взрыв следствие нарушения техники безопасности или действия шведских диверсантов, но ясно одно, на ближайшие дни, пока не отзовут в Мастерград один из двух дирижаблей и не подвезут боеприпасы, союзники Петра выведены из строя. Заранее разработанные на случай наступления шведов планы пошли насмарку. Ситуация для русских войск в Прибалтике стала угрожающей.

В том же зале древнего замка, где зимой Петр праздновал взятие оплота шведского владычества в Прибалтике: Риги, за длинным столом, помнившим заздравные крики в честь славной виктории, собрался военный совет. Давно стемнело. Слуги занесли лампы, поставили по краям стола, где было не занято картой окрестностей Риги. Привычно пахнет сгоревшим керосином. За частыми стеклами окошек тревожная темнота, лишь мерцают вдалеке огоньки городских окраин, да с неба сурово наблюдают за смертными звезды. Зловещие тени метаются по залу, лампы на миг высвечивают то изогнутые аркой своды, то парсуны на стенах, то золото парадных костюмов фельдмаршалов, то до блеска натертые воском полы. За столом самые ближние: фельдмаршалы Головин, Шереметьев, мастерградский посол Петелин и царев любимец: Меньшиков. Незримый вопрос, как случилось, что в момент десанта шведов взорвался склад мастерградцев витает по залу. И еще один, как не допустить такого позорного поражения, как бывшее в истории попаданцев из будущего нарвское?

– А от взрыва того великого, все разбило и определить он от небрежения был или от диверсии вражеской, немочно... – Шереметьев развел руками, был печален, понимал, что за порядок в городе он ответственен и, царь спросит, ох спросит...

Петр в зеленом Преображенском кафтане, простоволосый, нескладно-длинный, густо побагровел, на лбу бешено надулась жилка, едва сдерживая гнев произнес:

– С твоим небрежением будем после разбираться, а сейчас решать нужно, дальше делать что?

Фельдмаршал открыл было рот, но еще раз взглянув на бешенное лицо Петра, захлопнул его и с оскорбленным видом надулся. Царь немного помолчал, успокаиваясь, повернулся к внимательно слушавшему Петелину:

– Как второй пилот?

– Сергей Михайлович?

Петр молча кивнул, уже привычно не обратив внимания на вначале шокирующий его обычай всех называть с отчеством. В московском царстве зваться с «вичем» было привилегией дворянства и высшей аристократии.

– Уже нормально, картечины из икр вытащили, через месяц опять летать сможет.

– Когда сможете подвести снаряды и патроны?

– Оба дирижабля сейчас на Дальнем Востоке, так что раньше, чем через неделю их ожидать не стоит...

Загорелое, обветренное, суровое лицо Петра незаметно дрогнуло и на короткое мгновение смягчилось, потом засопел простуженно. Хотя и весна, но ветрено, вчера пока испыты-

вали первый построенный на рижской верфи корабль застудился. Хотя одно хорошее известие, но помощи от мастерградцев ждать не стоит. Он глянул на собравшихся: Шереметьев низко опустил голову, словно позор уже лег на старческие плечи, Петелин смотрит сконфуженно, Головин согласительно кивал, лишь верный Алексашка геройски подбоченился, – голова обвязана тряпкой, вчера гонялся за отрядом восставшей чухны во главе с помещиком. В сабельном поединке лично срубил немца хотя и заработал царапину. Авантюриста даже смерть не брала...

– Ну? – спросил царь наконец. – Что скажете, господа фельдмаршалы? Что делать будем? Пойдем навстречу Карлу или в осаду садится станем?

Петр застучал ногтями по столу, щека подергивалась.

– Я так думаю, – лениво произнес Головин, – армия у шведов преизрядная и сам Карл полководец не из последних. Вот наши союзники, – он бросил взгляд на непроницаемое лицо Петелина, – пытались забросать супостата гранатами и минами зажигательными и что? Сгорело малое число корабликов, но армию он все же высадил! А теперь они нам не помощники, пока припас не подвезут... – помедлив, добавил, – Надо в крепости ждать шведа. Подтянуть войска, подождать пока союзники припасы подвезут и тогда давать шведу баталию.

– В крепости хлеба совсем мало, без подвоза голодать станем. Швед перед тем как сдать весь пожар, – покачав головой произнес Шереметьев, – Реки только-только вскрылись и подвести не успели. В осаде не высидим.

Петр, откинувшись, глядел остекленевшими глазами на доверенных помощников. Они молчали.

– Хлеб чтоб был... Сами виноваты, что по зиме мало подвезли. Ежели не хватит, спрошу. Вешать буду..., – сквозь зубы произнес царь.

Над столом повисло тягостное молчание, лишь муха с жужжанием вилась над лампой, опалив крылышки упала на стол.

Меньшиков кашлянул, привлекая к себе внимание, глаза наглые. Невместно сидеть фельдмаршалам с человеком низкого происхождения, но царь указом «Табель о рангах» еще зимой 1692 года повелел ценить человека не по происхождению, а по заслугам перед государством. Только доблестью на поле боя возможно выгрызть прочное положение в высшем обществе, милость царева слишком непостоянна. Водил он конные полки преизрядно и лихо, чем заслужил несмотря на молодые годы и происхождение звание драгунского полковника. Приходилось терпеть.

– Садится в осаду смерти подобно, – в азарте размахивая рукой словно он ею врагов рубил, свирепым от негодования голосом произнес Меньшиков, – Сие предложение есть позор!

Головнин густо покраснел, но сдержался и произнес с иронией:

– Позор? Что же позорного в сидении в осаде?

– Трусость и измена! Этим мы отдаем инициативу в руки супротивника, а стало быть, и победу! Войск у нас в Риге поболее чем у Карла, обучены мастерградцами преизрядно. А ляхи уже сидели в осаде. Шведы забросали сверху гранатами Эльбинг и взяли крепость штурмом. Так какой прок прятаться? Ежели затевается что противное интересам и чести русского царства, каждый обязан возвысить голос против! Не совещаться нужно, а драться!

Шереметьев одобрительно стукнул кулаком по столу. Удачная баталия спишет все неудачи, и царь простит за промах с мастерградским складом.

Головнин вскочил с кресла, лицо покрыто гневными пятнами, обратился к Петру:

– Я прошу защиты, Петр Алексеевич! Худородному невмочно лаять на Головнина!

Глаза царя сверкнули, но он лишь отмахнулся и произнес:

– Успокоились все!

Фельдмаршал, дрожа от негодования, присел на оставшийся от прежних хозяев веницейский, с высокою спинкою стул:

Алексашка обвел всех горящими глазами, жизнь свою он как ставку с измальства положил на царя Петра. Если надо, то и жизнь отдаст за Мин херца! Одних этот взгляд зажигал, словно факел, других клеймил будто раскаленным железом. Затем шевельнул густыми «южными» бровями, откинулся назад и разом спрятался в тени.

Петр нахохлился словно сыч, молча смотрит в окно, от досады грызет ногти. На что решиться? Армия у него намного лучше, чем была под Нарвой в истории попаданцев, ну а как опять проиграет Карлу? Боязно... Не страшно, а одолели сомнения правильно ли поступит? Не погубит так удачно начавшееся дело?

– Что скажешь, Борис Петрович? Только ты ничего не сказал! – обратился он к Шеремтьеву.

– Я за генеральную баталию, – подавшись вперед на стуле и азартно сверкая глазами с жаром произнес тот, – с начала войны бьем шведа, дай бог и снова побьем! Сейчас представляется удобный случай главные силы шведские сокрушить. Если немедленно ударим на врага, ждет нас удача. Вели идти на Карла!

– Да как вы не понимаете! – вновь подскочил Головин, – Государь разве можно так рисковать армией!

Петр пристально и недобро взглянул в прозрачно-синие глаза фельдмаршала, тот зябко поежился и опустил взгляд. Из глубин глаз царя на него взглянула сама смерть. Отчего-то вспомнилось утро стрелецкой казни.

Петр ударил по столу кулаком так, что подскочили светильники:

– Мать вашу так, – гаркнул, багровея. – Сам поведу войска. Сам. Завтра выступаем! Все, пишите диспозицию на марш! В Риге оставить больных и сильный отряд на всякий случай.

***

История, несмотря на изменения, внесенные в нее усилиями мастерградцев, показала удивительную эластичность, вернувшись в известные прищельцам рельсы. События в Европе происходили почти так же, как в известной мастерградцам истории. Континент, так долго беременный войной, наконец полыхнул войной. Франция с восхождением на престол Испании Филиппа Анжуйского, внука Людовик XIV, стала претендовать на гегемонию в Европе. Король-солнце отрезал Англию и Нидерланды от торговли с Испанией, что серьезно ударило по их коммерческим интересам. Недовольна осталась и Австрия, возглавляемая другой веткой ранее властвовавших в Испании Габсбургов. Империя претендовала на контроль испанских Нидерландов. Последней каплей стало смерть короля Якова Второго, предыдущего властителя Англии, смещенного Вильгельмом с трона, произошедшая на год раньше, чем в известной Мастерграду истории. Король Людовик XIV объявил, что наследником английской короны может быть только сын изгнанного Якова Второго, Джеймс Фрэнсис Эдуард Стюарт. Оскорбленные и возмущенные Англия и Голландская республика в мае 1701 года объявили Франции войну. В июне к ним присоединилась Австрия. Савойя и Португалия стали союзниками Франции. Германские государства разделились, лишь часть встала на сторону Франции, а большинство поддержало Австрийскую империю. Европейцам стало не до происходящих на далеком восточном краю континента удивительных событий. Решалось кто станет контролировать Европу и, стало быть, мир.

То ли противники не успели как следует озлобиться то ли такая манера воевать присуща наступающему «галантному» веку, но война поначалу шла осторожно и нерешительно. Основные боевые действия в Европе развернулись в Нидерландах, Южной Германии, Северной Италии и Испании. Под жарким итальянским солнцем по пыльным дорогам замаршировали войска. Французская армия (51 батальон пехоты и 71 эскадрон конницы, всего 33 тысяч человек и около 11 тысяч в гарнизонах Кремоны, Мирандолы, Пичигетоны, Лоди и Лекко) во главе с маршалом Катина вошла в Северную Италию. Противостояли ей австрийские войска под командованием блестящего полководца: принца Евгения Савойского. Боевые действия шли

довольно вяло. Противники предпочитали больше маневрировать чем полагаться на одну-две решительные битвы, но и без боев не обошлось. После нескольких неудачных для французской армии сражений: при Карпи и у Кьяри, маршал отступил к Кремоне и к Новому году расположился там на зимние квартиры. На Рейне и в Нидерландах противники лишь накапливали силы, ограничиваясь воинственными демонстрациями. Соединенный англо-голландский флот под командованием адмирала Рука готовился противодействовать объединению французского и испанских флотов и к перехвату «серебряного» флота. От его прибытия из Южной Америки зависело будут ли у Испании средства для ведения войны.

С английских фрегатов *Mary Rose*, *Leopard* и *Swallow* с плеском сорвались в воду якоря, на фоне бледно-голубого неба на востоке виднелись четкие силуэты Анд, мучительно-долгое многомесячное путешествие закончилось. За узкой, белопенной полоской прибоя небольшие пологие возвышенности, обрамляющие обширные, голые солончаки. Страшное и безводное место: пустыня Атакама. Спущенные с фрегатов на воду шлюпки дружно расплескали соленую воду Тихого океана. Однотонный шум волн, бьющихся о пустынный, годами не видевших человека берег, смешался с возбужденными криками боцманов и ритмичным скрипом уключин под взмахами весел. Берег «приветствовал» одетых в красные мундиры пехотинцев удушливой жарой. Заключенных, которые будут строить в этом негостеприимном месте крепость и добывать селитру, высадили на берег последними. Сразу после на берег сгрузили солнечные опреснительные установки, через третьи руки закупленные в Мастерграде. Они уже успели себя изрядно зарекомендовать в длительных морских путешествиях и без них в безжизненной пустыне Атакама делать нечего. Высадка англичан на никому не нужной плоской равнине: пустыне Атакама, в Чили, осталась для мира незаметной. Кто станет обращать внимание на происходящее в далеком уголке Земли у черта на куличках, когда Европа бьется в пароксизме общеевропейской войны? Когда смутные слухи о белокожих пришельцах дошли до местного губернатора в расползшийся на берегу реки Био-Био город Консепсьоне он ничуть не обеспокоился. Хотят помирить от безводья в жаркой безводной пустыне? Их дела, а испанскому губернатору не станет беспокоиться о безумцах.

Колонистом пришлось туго: почти треть заключенных погибла от безводья, плохого питания и непосильного труда, но приказ короля был выполнен. В конце года *Mary Rose* и *Leopard* груженные почти по ватерлинию селитрой, подняли якоря и отправились во владения Англии. На берегу мрачным напоминанием о каторжном труде заключенных остались стены и башни небольшой каменной крепости и мрачные кресты обширного кладбища. К весне корабли пришли на находящийся под властью короны остров Барбадос. Доставленный груз расфасовали в мешки, в каких обычно возили сахар, перегрузили на другие корабли, сверху прикрыли сахаром и отправили в метрополию, а фрегаты с припасами и новой партией каторжан направились обратно.

Глава 2

Весна 1689 года. Северная граница Навахо-нейшен «Нации навахо», крупнейшей индейской резервации США, в которой проживает народ навахо. Белых на этой обширной территории, площадью 67 тысяч км² на северо-востоке штата Аризона, юго-востоке штата Юта и северо-западе штата Нью-Мексико, почти нет хотя полукровок хватает. Нет и негров и латиносов. Только индейцы навахо и совсем немного хопи, [пайютов](#).

Забытый индейскими богами городок приткнулся вдоль отличного двухрядного highway, построенного федеральным Бюро по делам индейцев. Благодеянием это навахо не считали, правительство обязалось платить им за отобранную землю – так записано в договорах между индейскими племенами и США. К тому же денег на это выделялось по мнению индейцев слишком мало. На бесплодном, покрытом лишь колючкой песчаном плоскогорье вдоль раскалившегося под яростным майским солнцем асфальта highway выстроилось десятка полтора бревенчатых домишек в стиле Дикого Запада и, сборных домов из фанеры, несколько лавок, пивная, бензозаправочная станция и небольшой кемпинг для туристов: деревянный дом с резной верандой, несколько хозяйственных построек, амбар с просевшей крышей. Для остальных штатов совсем небольшое поселение, но для резервации это крупный населенный пункт. Навахо, составляющие большинство жителей резервации, предпочитали жить минимум в паре километров от соплеменников. Раскачивались на ветру чахлые деревья, безуспешно пытаясь укрыться от яростного солнца. Однообразный и унылый вид немного оживляли вздымавшиеся вдали странного красноватого цвета скалы, которым дующие тысячелетиями ветра придали совершенно фантастические формы. Именно в этих экзотических местах в 20 веке снимали знаменитый фильм «Золото Макены». Туристов в городке угощали чертовски вкусным жареным на углях мясом, очень напоминающим шашлык, подававшимся на специальной «тарелке» из свежесвепеченного хлеба по-навахски, внешне похожего на пончик. Только спиртного там не продавали. Индейцы очень быстро спиваются и во всех резервациях действовал сухой закон.

После того как случился проклятый Перенос, ночевавшие в городке туристы на свой страх и риск поехали в сторону восточного побережья. Больше о них никто не слышал. Известно даже сумели ли они покинуть границы резервации. В первые дни случилось много страшного и кровавого. После того как обнаружили: автомобильные дороги за пределами резервации пропали, белых вокруг нет и выяснилось, что они навсегда покинули свое время и перенеслись в 1689 год, то есть за девяносто лет до основания США, навахо словно взбесились. Белых массово грабили и за малейшее сопротивление беспощадно убивали, женщин насиловали, а затем то же убивали. На территории навахо стояли угольные шахты, гидроэлектростанция на искусственном озере Lake Powell, мощностью 450 МВт, ТЭЦ – 2250 МВт. В момент Переноса там оставалось по одной смене рабочих и инженеров, большей частью они были белыми. Кровавая вакханалия мести за века угнетения индейцев коснулась и их. В ответ персонал ГЭС взорвал в машинном отделении ящик промышленной взрывчатки. Как минимум надолго, если не навсегда, электростанция вышла из строя. На Совете Вождей – высшем органе Навахо-нейшен, едва не дошло до смертоубийства. Молодежь вспомнила и «Долгий марш», когда предков изгнали с земель, какие они занимали от начала времен и жертвы народа по пути в резервацию, и нынешнее недофинансирование, которое они называли «убийством без пуль». Стариков, желавших по возможности оставить все как было раньше, амбициозная молодежь обвинила в предательстве интересов народа навахо и добилась свержения старого верховного вождя племени Заха. Новым верховным вождем стал сын старика Заха: Петерсон, популист и расист, по странному стечению обстоятельств гинеколог по профессии. Совет Вождей провозгласил создание государства Соединенных племен Америки, которое должно со временем объединить всех индейцев континента. Белые становились гражданами второго

сорта, им запрещалось иметь в собственности землю и здания. А за владение оружием полагалась немедленная смерть! За исполнением новых законов зорко следила пополненная полной энтузиазма молодежью полиция...

К девяти часам утра Старый Джонни по кличке Пивная Бочка, владелец опустевшего кемпинга, полностью созрел. Плевать он хотел на самозванное правительство навахов и их законы. И скрывать это вдохновленный двумя бутылками виски, которые он в одиночку прикончил за ночь, старый морпех не желал. Единожды морской пехотинец – морской пехотинец навсегда! Слегка покачиваясь, вышел из кемпинга. Вид у него был до нельзя воинственный: крест-накрест опоясан патронными лентами, два револьвера Smith & Wesson в кобурах и помповое ружье Remington Model 870 на плече. Несмотря на утро, уже жарко. По голубому небу ветер стремительно нес белоснежное, похожее на огромного буйвола облако. Как истинный американский джентльмен Джонни не стал скрывать своего мнения. Оповестив соседей, что ему есть что им сказать тремя выстрелами из ружья, он выдал целую речь собравшейся вокруг толпе, в которой преобладали слегка скуластые лица навахо:

– Я гражданин Великой Америки. Я плачу ей налоги в отличие от нищегородов навахов. Это мой кемпинг, и ни одна краснокожая сволочь не посмеет это у меня отнять! Это мое, а кто попробует, тот познакомится с вот этим! – он вытащил из кобуры револьвер и погрозил им бесстрастно взирающей на него толпе. Потом ему захотелось проверить собственную меткость. После увольнения по выслуге лет сержант-майор продолжал считать себя снайпером, правда последний год тренироваться как-то не получалось. Он поискал взглядом, на чем бы проверить? Ага! Вот! Звонко бабахнул револьвер. Рыжая дворняжка, личная собственность соседей издав прощальный визг, упала наземь лапами вверх.

Рука не утратила твердости. Им овладел воинственный экстаз, правда, не без легкой горечи. Перед кем ему! Сержант-майору, ветерану, приходится демонстрировать высокое снайперское искусство! Жизнь в городке мгновенно остановилась, люди испарились, куры с отчаянным кудахтаньем бросались врассыпную, лишь тревожные женские голоса еще какое-то время созывали детей. Покачиваясь Джонни еще какое-то время постоял, потом досадливо махнул рукой на краснокожих уроков и отправился в кемпинг пропустить еще рюмочку виски.

Полиция навахо: четверо кадровых, еще до Переноса поступивших в полицию рослых парней лет по двадцать пять, появилась в городке ближе к обеду, когда добрые люди сидят дома и пережидают жару под кондиционером. Правда сейчас это было невозможно. С момента Переноса электроэнергии ни у кого, кроме счастливых обладателей солнечных батарей, не было. Ходили слухи что Совет Вождей решил чинить ГЭС, но в это мало кто верил. В городке царила мертвая тишина незапланированного выходного. Ветер гнал по единственной улице обрывки бумаги и мусор. Четверо всадников с помповыми ружьями не стали подъезжать к дому Джонни и предпочли вначале разведать обстановку. Соседи, к которым они с трудом достучались, все же открыли двери и рассказали, что белый совсем недавно выходил на улицу.

Старший навахо, высокий, мускулистый, с начищенной форменной бляхой на синей фланелевой рубашке осторожно выглянул из-за ближайшего дома. Ставшее осаждаемой крепостью небольшое здание, длиной в сорок футов и шириной в пятнадцать, находилось посреди пустыря и в радиусе пятидесяти шагов ни единого укрытия. При этом окна на четырех стенах не позволяли подкрасться незаметно. Отличный форт. Стены достаточно прочные, пулей не пробьешь. Тот, кто попробовал бы появиться на голом пространстве, рисковал получить меткую пулю от Джонни. Было, о чем думать. Подставлять шкуру под пули сумасшедшего белого, не понимающего что их время закончилось и началась эпоха индейцев, не хотелось. Преимущество у осажденного подавляющее, без гранат или броневики придется тяжело, но где их сейчас взять? Такого добра в Навахо-нейшен нет...

Военный совет «мужественные сыны пустыни» устроили за сушащимся на солнце штабелем досок, прикрывшим их от наблюдения из кемпинга. Для начала отправили по кругу,

словно трубку мира, сигарету «Филипп Моррис» из заначки. Курили, думали, как поступить. Неизвестно, спит Джонни после утреннего представления, когда он бросил вызов всему народу навахо, но необходимо быть настороже. Все-таки бывший морской пехотинец, по предположениям он меткий стрелок с большим запасом патронов.

– Как будем выковыривать чертового белого? Идеи есть? – докурив спросил старший из полицейских и обвел взглядом замаявшихся подчиненных.

– Может подождем ночи? – неуверенно предложил один из индейцев.

Старший уже склонялся к тому, чтобы принять предложенный план, когда его взгляд зацепился за брошенный автомобильный прицеп. Он стоял у соседнего дома, возле кучи запыленных бумажных мешков с цементом. Видимо хозяева собирались строиться. Осаждающие навалили на прицеп плотно набитые мешки. Старший проинструктировал подчиненных. Оставалось самое опасное – преодолеть открытое место до дома. В полной тишине, даже птицы куда-то исчезли, они двинулись на штурм импровизированного форта. Впереди себя они толкали самодельную преграду и низко пригибались. Краснокожие начинают и выигрывают и так отныне навсегда, а белые проигрывают! Если повезет... Отряд приготовился поразить осажденного, если тот, пытаясь остановить надвигающееся индейское правосудие рискнет показаться в окне. Не дай бог Джонни вздумает выглянуть, но пока, похоже, он ничего не замечал.

Выстрел прогрохотал оглушительно и неожиданно, над надежным бруствером взлетели струйки цемента. Из окна посыпались осколки стекла. В стену рядом впились ответные пули. Потерь ни та ни другая сторона не понесла, но самодельный броневик краснокожих остановился.

– Эй, Джонни, сдавайся и сдавай оружие, и ты останешься жив!

– Эй! Навахо, – слышался пьяный голос, впрочем, не настолько, чтобы его обладатель покинул свое убежище, – катитесь отсюда, это мой дом, моя крепость и я пристрелю любого, кто появится здесь без моего разрешения!

– Это вы нас называете навахо, а мы зовемся народ Дине – прокричал старший из индейцев. Он еще помнил, как его учили, что необходимо постараться наладить контакт с преступником.

– А мне плевать, – раздался голос из дома, через пару секунд он закончил, – убирайтесь!

Отряд индейцев двинулся дальше. Еще несколько раз раздавались выстрелы, но пробить мешки с цементом пули так и не смогли. Немного высунувшись из-за их защиты, старший одну, за другой метнул в разбитое окно дымовые шашки. Когда из окна повалил черный густой дым, полицейские с ружьями в руках взлетели с по ступенькам, дверь влетела в здание от могучего пинка армейского ботинка. Из глубины здания слышался выстрел, но никого не задело, индейцы ворвались в здание. Через полчаса, когда дым рассеялся индейцы спустились на иссушенную землю Навахо-нейшен. С пояса светившегося спокойной гордостью старшего из индейцев свисал все еще капающий свежей кровью седой скаल्प. Он обернулся и скупой улыбнувшись хотел что-то сказать подчиненным, но не успел. Индейцы оказались невнимательны и совершенно не имели навыков разминирования, а Джонни учился на сапера, к тому же он был очень зол. Тонкую проволочку, активировавшую самодельный детонатор, они не заметили, а время на сработку замедлителя истекло. От взрыва ящика тротила здание сложилось словно карточный домик, множество осколков пробили стены близко расположенных строений, стекла повыбивало. Тела полицейских жители городка и вызванные на помощь их коллеги, нашли только к вечеру. Не выжил никто...

***

Солнце едва приподнялось над кромкой леса, казавшегося в утренней полутьме угрюмой громадой. Свежий ветерок с моря неприятно охлаждал тело, задувая даже за прикрытые бруствера. Где-то вдали беззаботно защелкали, радуясь утру и весне лесные пичуги. Илья, зябко поежился и плотнее затянул ремень на куртке. Вообще то на форму грех жаловаться, зеленого

цвета с удобными карманами на куртке и штанах была зело удобно и достаточно теплая. Незря в лавках в Москве, да и как Илья слышал и в других городах необъятного русского царства купцы предлагали крестьянам и городским похожую одежду. Брали ее с удовольствием.

«Чай умаялись вчера, намахались лопатами! Самый сон, поспать бы, да куда там! В лучшем случае познакомишься с кулаком старшего. Второе и третье отделение отдыхают. Да что там! Вся рота спит и только им горемычным выпало стоять в карауле. Интересно сколько еще осталось до смены?» Илья зевнул от души, старший: дядька Иван с досадой покосился, но ничего не сказал. Вообще-то командира отделения звали господин младший сержант Остахов. Тридцати пяти лет от роду, прошедший войну с турками и давно уже женатый, он казался молодому пополнению Московского полка почти стариком. Опытным, мудрым и требовательным. А если и даст, когда затрещину, то не со зла, а для науки, чтобы новобранцы быстрее познавали нелегкое воинское мастерство, а таких в полку большинство. Сформировали его всего год тому назад вокруг ядра: ста опытных солдат и ефрейторов из Лефортовского полка и у большинства реального боевого опыта не было.

– Господин младший сержант! – обратился Илья к дядьке Ивану, но тот не ответил, уставясь в сторону далекого леса, словно увидел там саму смерть. На опушку выходили люди в синих мундирах с поклажей за спиной и фузеями в руках. Скинув мешки и выюки с плеч, торопливо пробегали вперед и строились в плотные колонны. Между деревьев выезжали запряженные шестернями пушки, на рысях уносились на предписанные места. Двойной колонной, сверкая металлом доспехов выезжали конные. Еще миг, и предрассветную тишину разрезал сухой выстрел. Отдался эхом, загулял по обширному полю, отразился от приткнувшегося к кромке леса вагенбурга русских войск. Дядька Иван опустил еще дымящуюся фузею и внимательно оглядел оглянувшуюся на него немного с испугом молодежь.

– Ну вот и шведа дождались! – негромко и со значением сказал он, по-вологодски растягивая «о» и истово перекрестился, – здесь бить его будем!

Русский стан проснулся, приглушенно загудел словно растревоженный пчелиный улей. Затрещали боевую тревогу сотни барабанов, заиграли, собирая под знамена бойцов, кавалерийские горны. Десятки вестовых, загоняя коней помчались во все стороны, спеша доставить срочные приказы.

Карл в окружении верных телохранителей и нескольких всадников свиты выехал из-за защиты деревьев. Усмехнулся при виде бруствера, полукругом, опираясь слева на лес, а справа на неширокую речушку перегородившего полуторакилометровое дефиле – открытое пространство между двумя лесами. Поднес к глазам бинокль мастерградской работы. Дальше, немного в стороне от рижской дороги располагался вагенбург русских. С вчерашнего дня, когда он выезжал на рекогносцировку с верными драбантами, бойцами из роты, обученной еще мастерградским перебежчиком Чумным, ничего не изменилось. Это хорошо!

С началом войны у короля Карла Двенадцатого резко изменился характер. Он отказался от забав юности и стал настоящим аскетом, не признающим ни роскоши, ни вина, ни женщин. Одевался просто, став настоящим монахом в солдатской куртке. От жизни он ничего не желал кроме грохота сражений, дыма пушек, лязга скрещенной острой стали и конечно побед! Солдаты его боготворили и верили в его полководческий талант и звезду удачи.

– Господа, – король обернулся к свитским, обвел их глазами тигра и произнес, – брат мой Петр хочет спрятаться от северной ярости за укреплениями...это ли не образец трусости? Не помогли ему и бесчестные нападения его cossack!

За те несколько дней пути, пока армия двигалась по лесным дорогам на Ригу несколько раз налетали казаки, раз, другой стрельнув, скрывались в лесу. Из-за деревьев то и дело раздавались бесшумные выстрелы. При этом обычного облака сгоревшего пороха над стрелком не было. Посланные на поимку таинственных убийц солдаты находили только ведущие вглубь леса следы на земле. Такая тактика серьезно приостановила марш шведской армии, стоило ей

больше сотни раненых и убитых и невероятно злила Карла. Разве так возможно пренебрегать рыцарскими обычаями ведения войны! О том, что по его приказу взорвали артиллерийский склад в Риге, он предпочел забыть.

Петровская «спецура» использовала закупленные в Мастерграде пневматические винтовки Жирардони (изобрел в 1779 г. австрийский механик Бартоломео Жирардони), позволявшие бесшумно и бездымно сделать в минуту до двадцати выстрелов.

Переждав смех окружавших его генералов, вновь перевел взгляд вперед. Надсадно кричали офицеры, собирая бойцов. Шесть правильных колонн торопливо строились сразу за опушкой. Ветер усилился, гнул древки знамен. Оружие солдат блестело на солнце, страшное зрелище... Свинцовая туча приближалась со стороны моря, быстро накрывая небо и обещая дождь.

Рука в длинной, почти до локтя порыжевшей кожаной перчатке махнула в направлении укреплений русских.

– Framat!

Framat – вперед по-шведски

Затрещали, надрывая душу барабаны. Колыхнувшись черно-синими рядами, колонны грозно поползли к русским позициям. Бодро шагали великаны лейб-гвардейцы в высоких золотых митрах, с торчащими из-под них собранными в косы волосами. Дальше: енчепингцы в алых карпусах (головной убор). Заскрипели колеса пушек, их с натугой тянули упряжки. Немного погодя за левым флангом наступающих двигались на рысях грозные рейтары на конях-великанах, дальше истинные драконы – драгуны, получившие название от драконов, изображенных когда-то на знамени одного из первых драгунских полков. На опушке леса осталось несколько всадников. Впереди тоненький, небольшого росточка. К нему то и дело подскакивали верховые чтобы с очередным приказом умчаться к атакующим батальонам. Потрясший Европу король шведский Карл.

Накануне шведский лагерь поднялся еще в два часа ночи. Темно, тяжелые облака укутали небо, расцветет через несколько часов. Тьму рассеивают горящие чадным пламенем факелы в руках офицеров, видны лишь ближайšie коленопреклоненные солдаты, дальше длинные ряды батальонов теряются в зловещем мраке. Пасторы напутствуют войска перед решительной битвой с moskovit. В полной тишине раздаются слова жгущие сердца верных сынов шведской церкви.

– Так же, как древние израильтяне истребили идолопоклонников народа Ханаана, так и нам предопределено покарать еретиков, отступников и грешников, бесчестных и нечестивых, которые начали войну против Швеции без справедливых причин! Кару и страшную месть мы должны принести нечестивцам! – Пастор высоко поднял зажатый в руке крест, остановился на миг, пока отпустит сжатое волнением горло. Глаза каролинеров горят иступленной верой во все сказанное духовным наставником. Психологическим настроением шведская армия напоминала гитлеровский вермахт образца 1941 года. Такая же фанатичная убежденность в собственной правоте, готовность биться до последнего и безжалостность к врагам. Справившись с волнением, пастор продолжил:

– Ибо сказано в Святом писании, «не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее!» Не щадите никого из еретиков, ни человека, ни скот их ни собаку, ни иную живность!

Король Карл Двенадцатый стоит на коленях вместе с верными каролинерами. На нем солдатская сине-желтая форма без знаков различия, в нескольких местах видны заштопанные

следы от пуль и ядерных осколков, грубые сапоги с высокими голенищами и черная треуголка. На боку длинная шпага. На лице умиление и готовность во всем следовать советам церкви. Солдаты изредка поглядывают на обожаемого короля. В начале сражения он появлялся перед ними и с именем бога на устах и со шпагой в руках первым бросался на неприятеля, увлекая войска за собой. Как не боготворить такого короля? Счастливая звезда ведет его от победы к победе и, стало быть, и всю Швецию!

Проповедь закончилась. Грубые голоса поплыли над лагерем, придавая уверенности и сил каждому солдату.

«Господь, небо и землю создавший, поможет нам и утешит нас». Король поет псалом вместе со всеми. Воистину с таким королем, славное традициями побед шведское войско разве не опрокинет жалкую кучку дикарей?

По открытому пространству между лесами шведские колонны шумно и торжественно ползли по ковру из свежей травы к позициям русской армии, оружие грозно блистало на солнце, торжественно грохотали барабаны. Король Карл, подняв нос, сжал зубы и горделиво приосанился. «Как идут! Упоительная сцена! Это железные люди! Их можно перебить, но разбить невозможно! Шведы вновь покажут миру силу!»

Карл и его опытные генералы были убеждены что русские перед лицом лучшей армии Европы станут в оборону. Некоторое превосходство русских в силах: у шведов десять тысяч пехотинцев и тысяча драгун и рейтар на тяжелых мощных голштинских лошадях, выносливых и прекрасно обьезженных при сорока орудиях против русских пятнадцати тысячах пехоты, двух тысячах драгун и трех – казаков на мелких степных лошадаках, делающих их не соперниками при лобовом столкновении с шведами и при сто двух орудиях их не смущало. Они верили в силу непобедимого шведского оружия. Несмотря на оглушительную победу над турками и татарами русскую армию они считали из слабейших в Европе и не воспринимали Петра всерьез.

В области тактики шведская армия традиционно придерживалась линейных боевых порядков. Пехота строилась на поле боя в 2-3 линиях, кавалерийские полки располагались уступами на флангах пехотных соединений. Удара стойкой и храброй шведской пехоты неприятель обычно не выдерживал, а натиск кавалерии довершал разгром, но в этот раз Карл решил действовать с учетом знаний, принесенных перебежчиком из Мастерграда и вооружения обоих противников штуцерами с пулей Минье. Навязчивые атаки русских cossack не дали вовремя обнаружить армию Петра. Теперь пытаться зайти с фланга не получится, под угрозу попадет собственный армейский обоз. Значит атакуем с фронта! Оценив преимущества позиции на нешироком дефиле между двумя лесами, выбранном русскими для сражения, король сразу увидел то, что упустил Петр и его генералы. Безупречная позиция русских имела критический недостаток. Стоило противнику прорвать линию фронта и блокировать дорогу на Ригу она превращалась в смертельную ловушку. Упустить такой шанс Карл, которого уже почитали как одного из лучших тактиков Европы никак не мог. Смелый план, разработанный Карлом и генералом Реншельдом, включал два этапа. Ранним утром шведская пехота, построенная косым строем, наступает на правый фланг русских, где оборонялись новобранцы и опрокинет его. После прорыва укреплений конница при поддержке артиллерии и пехоты стремительно атакует русских драгун и казаков. На втором этапе пехота штурмует вагенбург, а конница перехватывает дорогу на Ригу, что должно привести к полному разгрому русских.

Вагенбург – передвижное полеовое укрепление из повозок в XV—XVIII веках.

– Слишком сильный ветер – обратился Карл к верному генералу Реншельду, – не пошлешь на moskovit воздушные корабли. Их создатель Кристофер Польхем настойчиво работал над установкой на них паровой машины, но пока ничего не получалось. Двигатель выходил

слишком тяжелым... Офицер учтиво наклонил голову в знак согласия и вновь повернулся к полю боя. Успех атаки дирижаблей в сражении при деревне Клишове вдохновлял шведов к как можно более широкому их применению, но погода не позволяла. Жаль...

Кристофер Польхем (18 декабря 1661 год – 30 августа 1751 год) – шведский учёный, изобретатель и промышленник, фамилию он взял после получения дворянского титула.

Рядом с опушкой, там, где расположился король со свитой, из земли стремительно вырос огненный цветок разрыва.

– Бабах! – оглушительно ударило по ушам. Свитские заволновались, опасно и непонятно как на такое расстояние русские смогли добросить гранату? Лишь король не повел и бровью. Для северного храбреца, нового Александра Македонского что такое какая-то граната? Еще с отроческого возраста он считал себя предназначенным совершить великие подвиги. В качестве проверки в пятнадцать лет Карл в одиночку пошел на медведя, вооруженный только копьем и ножом. Завалив зверя, доказал сам себе, что он может и что он лучший. С этих пор желание быть лучшим и первым никогда не покидало его. Карл был уверен в своем гении и в собственной великой судьбе и никогда не упускал случая проверить ее, хранит ли она его, и судьба его хранила. Полковник Крейц бросил отчаянный взгляд на короля:

– Ваше Величество, здесь опасно, будет благоразумно отойти в лес...

Король, не отводя взгляд желтоватых глаз от поля боя бросил сквозь зубы:

– Пустое... не вылита еще та пуля что остановит меня...

Следующий взрыв расцвел гораздо ближе. Двое придворных ахнули, обливаясь кровью упали с коней на землю. Лошадь под королем с ужасным ржанием рухнула наземь, придавив ему ногу. Когда двое драбантов, каждый ростом на голову выше Карла, освободили короля, он был без сознания. Кровь из порванного осколком уха обильно залила лицо. Подхватив короля под мышки, бегом понесли к близкой опушке. Через несколько мгновений повелитель шведов пришел в себя. Бранные слова, извергаемые взбешенным королем, свитские, бежавшие следом, даже не слышали, но верные телохранители были неумолимы. До ближайших деревьев оставалось всего несколько шагов, когда на месте, где считанные мгновения тому назад располагалась ставка Карла Двенадцатого, поднялся очередной взрыв, разбросав тела несчастных раненых и погибших. Один из телохранителей странно вздрогнул, лицо болезненно сморщилось, но продолжал нести своего короля. Лишь когда они скрылись под защитой деревьев и Карла опустили на усыпанную прошлогодними иголками землю, он как-то странно вздохнул и молча рухнул вниз. На спине, напротив сердца виднелась огромная окровавленная рана, драбант был мертв.

Драбант, – представитель категории военнослужащих Швеции, в обязанности которых входило сопровождение, охрана или прислуживание.

Наблюдавший работу минометчиков Александр Петелин опустил бинокль и досадливо закусил губу. Карл Двенадцатый ушел из-под обстрела. В лучшем случае его ранили. Так что мины израсходовали зря.

– Прекратить огонь, – бросил он минометчикам, снарядов было всего по два десятка на ствол, их нужно было экономить.

Небольшой отряд, который он взял с собой включал стрелков, двух огнеметчиков и минометную батарею. Гаубицы оставили в крепости.

Шведы двигались по широкому полю, перерезанному почти пополам утоптанной дорогой. В полуверсте от русских позиций вражеские колонны повинуюсь неслышному приказу рассыпались несколькими густыми черно-синими цепями. Передовое шведское войско под начальством генерал-майора Горна начало атаку. Слева пять линий, справа и в центре по две. Кон-

ница продолжала держаться позади левого фланга. Ее время придет, когда сшибут русских с бруствера. Технический уровень противостоящих армий был приблизительно равным и те, и те использовали штуцера с пулями Минье. Только у русских оружие за счет более качественной мастерградской выделки стреляло немного точнее и дальше, чем у шведов, так что исход предстоящего сражения должны решить талант полководца, стойкость и смелость рядового солдата и офицера.

Свежий ветерок неприятно охлаждал тело, в утренней полутьме далекий лес впереди казался угрюмой громадой. Русские полки заняли позиции за бруствером. Страшный бой шведских барабанов долетал до Ильи, но музыки еще не слышно. Холодный ветер развеивал знамена полков, тяжелая туча, наплывавшая со стороны моря, быстро накрывала утреннее небо. Правильные, словно двигаются не люди, а механизмы, цепи шведов, колыхаясь черносиними рядами надвигались на перечеркнувшую поле тонкую линию бруствера.

– Без приказа не стрелять! – пробежался вдоль цепи взводный командир и, наверное, для внушительности погрозил кулаком.

– Слово и не люди, а механизмы какие, – тихо прошептал сосед, парень с другого взвода, кажется, то же из Москвы, в глазах смертная тоска. Илья зябко поежился то ли от этих слов то ли от ветра, он почувствовал, что его пробил озноб. И правда стало гораздо холоднее. Большинство вокруг такие же как он первогодки, в прошлом году завербовавшиеся в Московский полк. Стоящий слева дядька Иван глухо откашлялся, привлекая внимание мальчишек своего отделения:

– Что носы повесили? Думаете шведу не страшно? Ему куда страшнее, он по полю идет, где никуда не спрячешься от пули! Не бойсь, выстоим!

Шведы подошли поближе, ветер стал доносить пронзительные звуки гобоев. Три орудийные запряжки аллюром подскакали шагов на пятьсот напротив места, где занял оборону взвод Ильи. Завернули сходу. Пушкар в темно-синих мундирах, соскочили, с передков, стремительно зарядили орудия. Липкий, противный пот выступил на ладонях. Илья по очереди вытер их об куртку, крепче перехватил штуцер и повернулся в сторону нашей батареи. «Ну же... Скорее стреляйте».

Наконец тяжело рвануло уши. «Бабах!» рывкнули русские орудия. Комья земли полетели за полсотни шагов до шведов. Недолет... Илья разочарованно вздохнул, чувствуя себя обманутым. «Стрелять не умеют!...» Вскочивший впереди батареи шведский офицер поднял вверх шпагу и тут же упал словно подкошенный. Кто его подстрелил? Расстояние еще слишком велико, чтобы стрелять!? Шведские орудия плюнули в ответ огнем. Ядра свирепо просвистели, казалось, над самой головой, заставив непроизвольно присесть. Темно-синие цепи пехотинцев прошли позиции батареи и Илье стало не до наблюдений за артиллеристами. Еще немного, еще чуть-чуть и можно будет стрелять. Время для размышлений и страхов закончилось...

– Целься! – прокричал взводный. Илья поднял фузею, привычно поймал фигурку идущего быстрым шагом шведа, – Пли!

«Бах! Бах! Бах!» бруствер укутало серым пороховым дымом. Илья не глядя передал штуцер назад, в руку вложили уже заряженный.

– Целься! – и через пять ударов сердца, – Пли!

Десяток человек выпало из шведской цепи, оставшись неподвижно лежать на земле. Пехотинцы в синих мундирах с желтыми поясами по неслышному приказу подняли мушкеты, окутались серым дымом. Стреляют в ответ, понял Илья. Сосед покачнулся, молча рухнул вниз. Он лежал навзничь, повернув к Илье белое лицо с широко открытыми глазами. В них навечно застыло выражение удивления. Форменная рубаша быстро темнела от крови. Все отвоевался, спаси Господь твою душу...

Каждые несколько секунд линия бруствера окутывалась новыми клубами порохового дыма. Каролинеры, презирая смерть, шагали навстречу ей. Ядра за одно попадание вырывали

из цепей по несколько человек, картечь разрывала людей и коней на куски, пули собирали обильную жатву. Строй шведов редел, они рушились на землю, но только упрямо крепче смыкали ряды. Вот уже видны под треуголками безусые, усатые, яростно оскаленные лица. Сталью горят до блеска начищенные граненые штыки.

Карл, успевший оправиться от пустяшного ранения, внял настоятельным просьбам свитских генералов не подставляться под выстрелы мастерградской артиллерии и не стал выезжать из леса. То, что пока не стреляют говорит лишь об экономии припасов, но на такую цель как вражеское руководство всегда найдут пару сэкономленных выстрелов. А это очень опасно. Карлу плевать на риск, но боязнь обезглавить войско в самый ответственный момент заставила проявить благоразумие. Он остановился на опушке, откуда можно видеть все поле боя. Сжав зубы, Карл смотрел на затянутое пороховым дымом поле сражения и слушал упоительные звуки боя. Линии шведов в центре и на правом фланге остановились, обмениваются залпами с русскими гвардейцами, на левом уже сблизилась с русскими, всю фурию бросились в атаку, лишь неглубокий ров перед бруствером препятствует продвижению. Подскакавший адъютант генерала Горна браво отрапортовал: его гренадеры бьются с русскими на бруствере. Карл одобрительно кивнул и приказал передать что король доволен им. Губы Карла Двенадцатого начали старательно, хотя и неумело насвистывать мелодию приступа: «Живее коли, руби и бей во славу божью». Первый удар приняли на себя необстрелянные вновь сформированные полки, Карл прекрасно понимал, по кому стоит ударить прежде всего.

На земляном банкете рядом с Ильей ворочался, стонал, прижимая ладошку к окровавленному боку, давешний земляк из другого взвода. Видимо, когда шведское ядро прилетело в ограждение, ему досталось осколком.

Послышалась густая барабанная дробь. Шведы добежали. Дикие крики второпях наступивших на чеснок, разбрасывая в стороны сложенные в еж колья, бешено кинулись на штурм. Вязанки хвороста с ходу полетели в ров по ним без лестниц молниеносно и густо полезли на бруствер. Часть осталось внизу, выцеливать русских и забрасывать гранатами. Обращенная к шведам сторона бруствера полыхнула пламенем и окуталась дымом. Ров мгновенно заполнился изуродованными трупами и агонизирующими телами в синих и серых мундирах, но это не остановило доблестных неркенцев и енчепингцев. «Бабах!» – ударило по ушам близким разрывом. Десятки глиняных осколков тонко просвистели совсем рядом с Ильей. На несколько мгновений его оглушило. Фузея выпала из ослабевших рук. На бруствере показался швед, в левой руке хищно блестит шпага, в другой фузея. Лицо бешенное, сам громадный, страшный как кузнец Ждан в родной деревне, когда перепьет. Хватая пересохшим ртом наполненный запахами сгоревшего пороха, человеческих выделений и людского мяса воздух растерянный Илья попятился, забыл про оружие.

Ступенька, примыкающая к внутренней крутости бруствера, на которой помещаются стрелки, называется банкетом.

Чеснок – военное заграждение. Состоит из нескольких соединенных звездообразно острых стальных штырей, направленных в разные стороны. Если его бросить на землю, то один шип всегда будет направлен вверх, а остальные составят опору.

Выручил дядька Иван. С коротким выдохом, какой вырывается у мясников, разделяющих топором тушу, вонзил штык шведу в низ живота и тут же продернул снизу-вверх, словно поднимал вилами пук соломы. Что-то серо-сизое выпало из раны, оружие упало из ослабевших рук. Гренадер прижал руки к животу, словно хотел удержать то, что из него выпало, качнулся и рухнул вниз.

– Не зевай! – бешено рыкнул дядька Иван. Лицо фиолетово-синее от ярости, наклонился над бруствером.

Этого хватило, чтобы Илья опомнился. Подхватив фузею, бросился вперед, наклонился вниз. Новый швед торопливо лезет по лестнице вверх. Илья дико завизжал, изо всех сил ткнул штыком в треуголку, шведа смело вниз как картонный манекен в переполненный мертвыми и живыми солдатами ров. Вскоре уже все дрались холодным оружием, времени на перезарядку не было. Упорство казавшихся легкой добычей необстрелянных солдат еще больше разъярило шведов, они рубили и кололи без пощады, сея смерть направо и налево. Король перед битвой приказал не давать пардону. Впрочем, его никто и не просил.

Битва превратилась в резню насмерть, где и безоружным не давали пощады. Вот русский и шведский солдаты упали на землю, грызя друг друга зубами сплелись в яростной драке. Подсочивший гренадер с хеканьем всадил штык в ребра русского. Ошеломленный швед пытается разжать намертво сжатые на горле руки.

Опыт и мастерство в рукопашной схватке взяли свое, шведы вышибли Московский и Казанский полки с бруствера. Испытанная временем шведская тактика – энергичная атака холодным оружием и высокий боевой дух солдат, принесли успех.

У заваленных ворот русского укрепления замахали лопатами, торопясь разрыть их и впустить внутрь кавалерию.

В русской обороне образовалась громадная дыра, которую заполняли новые сотни шведов. Тяжело дыша, Илья вместе с немногими вырвавшимися из занятого шведом бруствера пятился назад. Он колол, увертывался от вражеских штыков и снова колол, чувствуя, как грабный штык пронзает хрупкие тела. Ярость горячей волной смыло все человеческие чувства. Ни мыслей, ни страха не было, не осталось ничего, кроме желания «урить паскуд». Русские солдаты отходили, но все же их боевой дух не был поколеблен. Опасность для армии Петра увеличивалась с каждой минутой...

Протрубил шведский горнист. Эхо еще металось по заваленному телами раненых и окровавленным трупам полю, когда повинуясь приказу прорвавшие русский строй батальоны правого фланга остановились. Их командующий решил подождать пока подтянутся остальные и занять оборонительную позицию. В поле перед вагенбургом шведов поджидала многочисленная кавалерия, да и центр с левым флангом русских держались стойко. Теоретически пехота может противостоять всадникам, но для этого она должна быть безупречно выстроена, на данный момент шведский строй разорван, и к тому же штурм нанес ей ощутимый урон. Следовало выстроить войска и подождать пока шведская кавалерия переберется через брустер. Возможно, это было ошибкой, но генерал Горн не желал рисковать. Тем временем все больше батальонов выходило на равнину. Вскоре сильно потрепанная пехота, пользуясь передышкой, восстановила порядок. На росистой траве за разбитыми брустверами образовалась монолитная линия. Ротные знамена, красные с двумя перекрещенными стрелами в середине полотнища, встали впереди строя. Ворота открыли. Кавалерия наконец преодолела препятствие и начала строиться в две шеренги поротно. Семь часов утра. Наступил критический момент боя. Не без накладок, но план короля Карла исполнялся. Теперь следовало перейти к выполнению второй части, но шведы не успели.

Хмурое небо наконец разродилось дождем. Сначала редкие капли, потом все более частые забарабанили по свежей траве, появились первые лужи. Стрельба понемногу затихла. Дульнозарядные штуцера и открытый порох невозможно использовать при дожде. Огнестрельное оружие, по крайней мере большая его часть выведено из строя. Преображенцы находились в резерве за центром русского расположения. Стальные щиты подняты кверху, по возможности оберегают оружие от воды. Отсюда было мало что понятно, но то, что можно было увидеть, не радовало. Похоже шведы прорвали левый фланг, хотя центр и правый, стойко держались. Хмурые ветераны азовского и крымского похода вполголоса переговаривались. «Помочь надо, не сдюжили против шведа «молодые» полки, но приказа все не было.

Царь мучительно колебался, он высоко оценивал шведов и боялся, что при массовой атаке армия не выдержит и побежит. После совета с генералами, в котором участвовал и Александр, решился. Короткая кавалькада всадников вылетела перед строем одетых сверкающих металлом доспехов батальонов. Впереди в зеленом полковничьем мундире любимых преобразенцев царь. Внешне он спокоен. Посредине пехотного строя остановил коня, загорцевал.

– Воины! – во всю глотку закричал, но до крайних батальонов его голос почти не доходил. Слышались лишь отдельные слова, – не за Петра, а за Отечество наше... А обо мне ведайте, что жизнь мне не дорога, лишь бы Россия жила!

«Ура!» – грозно прогремело в ответ.

Словно выполняя собственные слова царь спешил и отдал поводья ординарцу. Сам в окружении телохранителей встал во главе одного из батальонов второй линии.

Призывно зазвучали трубы, тревожно забили барабаны, знаменосцы подняли стяги повыше. Остатки потрепанных шведами полков поставили справа, кавалерия выстроилась за флангами. На ходу перестраиваясь в две очень плотные линии, гвардейцы двинулись навстречу неприятелю. Солдаты встали так тесно, что русское построение приобрело вид сплошной живой стены из войск. Дождь прекратился, выглянуло солнце, начало припекать. Птицы с тревожными криками носились вокруг. Они не понимали, откуда здесь взялось столько двуногих существ.

Наблюдавший за русскими генерал Горн опустил подзорную трубу. «Они осмелились на собственную игру? Ну что же посмотрим, что сильнее северная ярость или дикость русских. Увидим за кого бог!» Сжав и без того тонкие губы, воскликнул:

– Мы выступаем во имя Господа, и пусть поможет нам Бог! Framat! – рука махнула в направлении контратакующих русских.

Призывно забили барабаны. Шведы устали, многие батальоны потеряли до сорока процентов бойцов, но это не помешало им двинуться навстречу. Людей у них было меньше, чем у русских поэтому они встали в одну линию. Размеренным шагом жидкие батальоны двинулись навстречу все еще гораздо большей по численности русской армии.

– Стой! – прокричали офицеры. Когда строй русской пехоты остановился, скомандовали первому ряду встать на колено. Сердце Ильи, стоявшего на фланге слитых в один батальон остатков полка, забило сильнее. Он прошел сегодня через такой ад, что теперь все нипочем и лишь руки крепче сжали штуцер. Посиневшие губы зашептали молитвы, секунды показались часами.

Навстречу шведскому строю заработала артиллерия. Сумасшедше завизжала картечь, разрывая плоть и перебивая кости. Шведы оказались в настоящем аду, один за другим выбывали из строя офицеры, рушились на траву как подкошенные целые взводы, бесследно исчезали роты, но они продолжали все так же мерно идти вперед.

– Господи, помоги, что же это за люди. Они что железные? – услышал Илья чей-то страстный шепот, прерванный звонкой оплеухой, но не стал оборачиваться, продолжив наблюдать за шведами. Где-то в строю гвардейцев стоял Петр. Его присутствие, присутствие царя-батюшки придавало силы. Если он сам не боится идти на шведа, то остальным вовсе должно быть стыдно. Сине-черные батальоны мерной поступью шаг за шагом приближались к застывшим и вскинувшим ружья зеленым рядам русских пехотинцев.

– Огонь! – махнул шпагой офицер.

Приклад ударил в плечо. Залп тысяч ружей слился в один ужасающий треск. Строй укатался дымом. Сотни тел шведских солдат почти одновременно упали на землю. В их и так не плотном строю появилось множество прогалин. Несмотря на это они не запаниковали и лишь упрямо сомкнули ряды.

Залп! Залп! Солнце скрылось из виду, затянутое облаками из вонючего порохового дыма.

Вражеский строй остановился, выстрелил залпом.

«Вжик, вжик» – просвистели рядом пули, где-то сбоку на периферии сознания Илья услышал крики раненых и умирающих, но это сейчас не важно, ему необходимо быстрее перезарядится. Странное, отрешенное спокойствие охватило его. Вражеский строй приблизился, уже различимы отдельные лица под черными треуголками. По неслышной из-за расстояния команде шведы выставили вперед хищные жала граненых штыков и перешли на бег. Мелкими брызгами разлетаются лужи на пути налетающей на русских живой стены. Шведы бежали молча и это было так страшно, что Илья содрогнулся, но тут же устыдился собственной слабости. Он почувствовал, что страх отошел на второй план. Колокольным звоном забило в груди сердце, время почти остановилось, смыв с души все чувства кроме ярости первобытного зверя которого пытаются убить. Прямо на Илью набегает здоровенный уса́тый швед, яростно и фанатично сверкают его глаза над хищно востопорщившимися усами.

Набежали! Два строя, один сине-черный, второй зеленый сшиблись словно два моря. Батальоны врезались друг в друга, в ход пошло холодное оружие: штыки и шпаги.

Швед, немного не добежав до Ильи, мгновенно затормозил. Обеими руками молниеносно выбросил штуцер далеко вперед, целясь в живот русского. Помогли тренировки, на которых молодежь заставляли до седьмого пота отрабатывать приемы фехтования на штыках. Илья слегка ударил по стволу, так чтобы отстранить в сторону блеснувший смертью граненый штык. Шагнул вперед, одновременно быстро присев и вонзил штык в живот. Швед закричал от пронзившей тело боли, обеими руками схватился за низ живота. С противным, чмокающим звуком штык вышел из обширной раны. Швед пошатнулся и грянулся о землю, а Илья принялся колоть и бить прикладом новых врагов. Все вокруг смешалось в дикую мешанину. Ноздри забились едким запахом крови и человеческих внутренностей, воздух дрожал от криков и хрипов сражающихся, в которых, казалось, нет ничего человеческого.

Вот уса́тый швед, финтом шпаги обманув гвардейца в глубоком выпаде вонзает ему в грудь штык, но тот лишь бессильно скрежещет по прочной мастерградской стали и соскакивает. Швед проваливается, но не успевает на его лице отразиться недоумение как окованный железом приклад гвардейца проламывает ему висок. Уже мертвый он летит на истоптанную траву.

Дальше солдат в зеленой форме схватился за пронзенное удачным выпадом шпаги горло. С тихим хрипом рушится вниз.

Одетый в синий мундир солдат с хеканьем, как мясник, вонзает лежащему на земле поверженному врагу шпагу в грудь.

Катаются по окровавленной траве, рыча словно дикие звери русский и швед.

Каролинер, лежит на истоптанной тысячами ног траве. Обеими руками схватился за окровавленную грудь, на губах пузырится алая пена. Отмучился, отходит...

Бой был коротким, но жарким. С обеих сторон дрались с величайшим ожесточением. Русская гвардия продолжила напирать и знаменитые каролинеры сломались, ряды их смешались. Потеряв почти всех офицеров еще на подходе к русским, оставшиеся в живых заколебались, остатки боевого духа покинули их. У каждого, даже самого твердого в исполнении долга есть та критическая черта, перейти которую он не в силах. Наступила развязка. Все произошло в какие-нибудь 10-15 минут. Таявшая тонкая линия шведов сломалась. Бросая на землю оружие, пехота крайнего левого фланга кинулась бежать. Устояли только отважные далекарлийцы, державшие обороны против остатков Московского полка, но и они вынуждены были попятиться. Сначала понемногу, потом отступление превратилось в паническое бегство. Штыками и ружейными залпами шведов отбросили за бруствер. В поле добивали остатки окруженной шведской кавалерии и далекарлийцев. Большая, лучшая часть шведской армии погибла или обращена в бегство.

Бегство пехоты правого фланга обнажило центр боевых порядков шведов. В небо над полем боя взвились три ракеты: красная и две зеленых. Сигнал к общей атаке. Русские войска

хлынули через настежь открытые в бруствере ворота. Центр и левый фланг шведов попытался встретить их штыковой контратакой, но навстречу шведам полетели несколько десятков блестящих в свете солнца металлом шаров. Посредине вражеского строя загрохотали взрывы, раскидывая в стороны окровавленные тела, калеча чугунными осколками хрупкую человеческую плоть. Ошеломленные шведы на миг остановились. Еще до сражения мастерградцы отдали все оставшиеся гранаты батальонам центра. Русская пехота со штыками наперевес одновременно бросилась на шведов по всему фронту. Закипела жаркая рукопашная схватка и войска Карла не выдержали. Под натиском русских сил сначала небольшими ручейками, затем целыми ротами и батальонами беглецы устремились в спасительный лес. Началось беспорядочное отступление. Шведские солдаты стали бросать оружие наземь и сдаваться в плен.

В одиннадцать часов царь сорвал с головы шляпу в победном жесте. Шведы разбиты.

Осознав, что окончательно проиграли, верные драбанты, не слушая возражений ошеломленного Карла Двенадцатого, усадили его на коня. В окружении свиты и части драгунов направились обратно, к месту стоянки флота.

Разразилась подлинная катастрофа. Рига стала концом шведского великодержавия. На поле битвы лежали свыше 4 тысяч убитых шведов еще 3 тысяч сдались в плен, спаслось меньше 4 тысяч человек. Трофеями русской армии оказалось все оружие и 250 тысяч рублей шведской казны, награбленные в Польше и Саксонии. Тем временем мародеры продолжали свое черное дело: обирали трупы, подбирали оружие, добивали безнадежных раненых, а тех, кто имел шанс выжить и пленных гнали в русский стан. Царь Петр обещал за них немалую награду: алтын. Туда-же отправились самые ценные трофеи: знамена, штандарты, наградное оружие.

***

Даже теперь Карл Двенадцатый не стал менять однажды принятый им спартанский образ жизни. «Никаких нежностей!» – требовал он от других и сам жил по этому правилу. Самоограничения, наложенные на себя, он соблюдал свято, тренируя волю, приучая непослушное тело к нелегкой походной жизни. Он не такой как другие государи, он особенный! Король – отшельник изволил есть солдатский ужин: гороховую кашу с пшеном и кнэккеброд, сухую мучную лепешку. Негостеприимный прибалтийский берег удалился, превратился в тонкую темную полоску на горизонте. Свежий морской ветер туго надувал паруса корабля, идущего к Стокгольму, трепал одежду, упрямо норовил забраться под нее. Король демонстративно игнорировал трудности. Громко, словно не потомок благородного рода чавкал и время от времени утирал рот холщовым платком. В мутном стеклянном кувшине на столе плескалась вода от качки.

Когда после поражения в рижской битве верные драбанты и слуги двинулись вглубь леса, король растерялся и впал в прострацию. С детства Карл чрезвычайно увлекался игрой в солдатики, подолгу и с восторгом рассматривал цветные картинки в «рыцарских» романах. Мысленно примерял на себя подвиги их персонажей. Окружающие рано заметили склонности юного короля и стали нашептывать ему, как он велик, и как ничтожны по сравнению с ним остальные владыки мира. Ему внушали, что он второй Александр Македонский и призван поразить Европу полководческим талантом. Он поверил лстецам, а его разбили какие-то полудикие москвиты. Ведь вначале все получалось! Одним ударом он выбил из войны Данию, разбил гонористую Речь Посполитую и упорную Саксонию. А тут такое разгромное поражение. Немыслимый удар по самолюбию.

По пути к королевскому кортежу присоединялись отдельные подразделения и выжившие солдаты. В погоню за остатками шведского войска бросились казаки. Невидимые стрелки неустанно преследовали изможденных шведов и беспрерывно осыпали их градом пуль. Падали на землю десятки раненых и погибших, но кавалькада не останавливалась. Лошадь под королем получила пулю, мучительно заржала и на всем ходу рухнула на усыпанную хвоей землю, придавив Карлу ногу. Его вытащили, один из драбантов отдал королю коня и почти сразу,

сраженный невидимым стрелком в грудь, рухнул на землю. Карла спасало только то, что телохранители, солдаты, слуги закрывали его от выстрелов собственными телами. К вечеру шведы оторвались от преследования. Новые испытания ждали их на побережье. В ночь бесславного сражения под Ригой флот атаковали выкрашенные в черное русские брандеры. Часть их потопили, но несколько прорвались и нанесли серьезнейшие потери. Сгорели еще три корабля в том числе один линейный. Слава Господу что у русских нашлось так мало брандеров, иначе мог погибнуть весь флот!

Последняя ложка отправилась в рот, король запил ужин водой. Из кучки придворных до ушей Карла донесся драматический шепот.

– У Швеции больше нет армии, а риксдаг крайне неодобрительно относится к лишним тратам. Наступили тяжелые времена...

Пустая тарелка полетела на палубу, король стремительно обернулся к камер-юнкеру барону Беркенгельм. Бесцветному, как зимний день, с неприятного вида бородавкой на курносом носу. Выпрямился, брезгливо сморщил лицо и уставился на придворного красными после бессонной ночи глазами.

– Война еще не закончена! Я верю, что бог на стороне своих верных сынов и поможет им несмотря на все сомнения маловерных! Московитам просто повезло! – произнес хриплым, простуженным голосом. Краткая ночевка в весеннем лесу никому не добавляла здоровья.

Свитские промолчали. Барон еще больше побледнел, если только было возможно и склонился в почтительном поклоне:

– Без сомнения Ваше Величество!

Карл вдруг почувствовал, что все в этом придворном неприятно ему: неприятен тихий голос, неприятны мысли, которые он высказывал. Потеря прибалтийских провинций, огромные траты на войну приводили риксдаг и население в отчаяние. Зревшее недовольство Карлом в любой момент могло привести к бунту и приходу к власти принцессы Хедвиг Элеоноры. Карл знал об этом, но упрямо продолжал гнуть собственную линию. Барон Беркенгельм всего лишь осмелился в лицо озвучить проблемы.

– Я Вас не задерживаю!

Еще раз молча поклонившись камер-юнкер повернулся и ушел.

Карл поднялся с раскладного стула и подошел к фальшборту, рассеянный взгляд устремился на север к берегам милой Швеции. Заныло под повязкой порванное шальным осколком ухо, он едва заметно поморщился. «Он отомстит, он преодолеет все преграды, но отомстит. Он сделает с северным колосом то, что давно намеревался еще его отец. Округлит прибалтийские владения за счет Новгорода, Плескова (так шведы называли Псков), Олонца, Каргополя и Архангельска. Речь Посполитая получит Киев и Смоленск, а на престол в Москве сядет кто более сговорчивый чем приятель Mastergrad».

– Вина, – обернувшись к молчаливой толпе придворных и слуг приказал он.

Вино в хрустальном бокале было терпким с заметной горечью, как сегодняшнее настроение Карла. Оно позволило ему признаться самому себе. То, как сражались русские его поразило до глубины души. Меньший опыт и навыки рукопашной схватки они с лихвой компенсировали яростью и стойкостью в обороне. Перед его внутренним взглядом вновь встали сцены шедшего с величайшим ожесточением боя. Грохот орудий, треск залповой стрельбы и крики сражающихся. Его верные каролинеры снискали право считаться непобедимыми, а русские показали себя воистину железными. Стояли, как истуканы в строю, гибли, но не отступали. Даже раненые, лежащие на поле боя, старались нанести вред врагу. Их можно перебить, но разбить невозможно! Перед собой хитрить глупо и Карл нехотя признал, что его оценка русской армии как одной из слабейших в Европе ложная и еще он впервые за многие годы испытал страх перед таким непонятным и непокорным врагом. Он вспомнил дневник воспоминаний

перебежчика из Mastergrad Чумного: «Не советую воевать с Россией! Лучше ставить Европу на колени». Быть может он прав?

После победоносного сражения под Ригой прошло три дня. Одни других красочнее и кровавее слухи о страшном поражении шведов успели распространиться по близлежащим землям. Одни ужаснулись пробуждению северного медведя, другие обрадовались. Утреннее солнце, в легкой дымке встававшее над кромкой леса, освещало ровные ряды палаток, широкий луг перед вагенбургом и перегородившую бывшее поле боя полуразрушенную стену бруствера. Погибших успели похоронить, раненых разместить в полевом госпитале. Сырой ветер с моря отогнал ночной туман; проснувшийся с расцветом русский лагерь шумел: звуки команд, сержантский матерок, ржание коней.

Петр стремительно шел по русскому лагерю. Погода, лучше не придумаешь! С удовольствием раздувая ноздри Петр вдыхал пахнувший солью и йодом морской воздух и, хотя главной страстью царя стал воздушный океан, но и о первой, юношеской мечте: море, он не забывал. На несколько шагов позади свитские. Встречные офицеры лихо козыряли юному государю, удостоиваясь ответного кивка.

– Кругом! Шагом марш! – муштровал пополнение усатый сержант измайловец. Гвардейцы месили грязь на импровизированном плацу за палатками. В ожидании, когда генералы отдадут распоряжение на марш обратно в Ригу, лагерь жил обычной полевой жизнью. При виде государя солдаты лихо взяли на караул, выкатывая от усердия глаза в сторону Петра. Дальше начинались палатки сопровождавших армию мастеровых. Без них никуда, починить порвавшийся мундир, подковать захромавшую лошадь, много работы. Оглушительно ударили кузнечные молоты в двадцати кузнях, поблизости негромко урчит паровик... Дальше палатки портных. Около тихо, их работа не требует шума и огня как у кузнецов.

Петр свернул за палатками и остановился посреди дороги как вкопанный. Повернулся к свитским. Непорядок! Меньшиков, с содроганием увидел царевы бешеные, круглые глаза. В мелкой теплой луже, оставшейся после позавчерашнего дождя раскинув руки спал солдат, судя по эмблеме на куртке московского полка. Вечером в день победы пировали, а сейчас не могли! Невысокий человек, в дорогом польском кунтуше с обвислыми усами, над которыми яростно горели серые глаза, по виду шляхтич, двигался навстречу царю.

Все случилось, когда Петр, широко шагая через лужи, подошел к месту происшествия. Внезапно солдат открыл глаза, в которых и намек не было на хмельную расслабленность, одним гибким движением вскочил на ноги. В руке блеснул вытященный из кителя стилет.

– Умри, тиран! – одним прыжком он сократил расстояние до царя.

Время словно остановилось, потекло жидкой патокой. Пахнуло смертью. Узкое жало клинка отходит назад, чтобы сильнее вонзиться в тело. Свитские далеко, не успевают, а остолбеневший Петр успел только поднять руку. Неужели все? Зачем оставил телохранителей в палатке, думал, что в лагере безопасно...

Как шляхтич оказался возле Петра, не понял никто. Высоко в небе молнией блеснула сабля, пронзительно свистнул пластаемый страшным, неуловимым для глаз движением воздух. Голова несостоявшегося убийцы полетела вниз, несколько раз перевернулась и застыла в луже. Тело мгновенно еще стояло, фонтанируя алым, потом упало назад. Тонкая струйка алой крови начала растворяться в помутневшей воде. Время вновь восстановило нормальный бег. С шумом и криками подскочили свитские, сабли и шпаги наголо. Загородили царя телами, оттащили назад, а спасший Петра незнакомец, неторопливо вытер лезвие об одежду несостоявшегося цареубийцы и забросил саблю в ножны, выпрямился горделиво. Меньшиков склонился над вором, расстегнул медный крючок воротника куртки, на солнце блеснул католический крест. Он обернулся к Петру.

– Католик, мин Херц!

Фельдмаршал Головин, склонился над погибшим, с досадой посмотрел на невозмутимого литовца. Лицо стремительно побледнело. За порядок в лагере отвечает он. Как же теперь ловить воров? Не мог цареубийца быть один.

Царь вышел вперед. Круглые глаза все еще горят бешенством, то ли на себя, то ли на того, кто осмелился попытаться поднять руку на помазанника Божия. Шляхтич бестрепетно встретил гневный взгляд и учтиво склонился перед государем.

– Кто таков?

– Граф Казимир Владислав Сапега, Ваше Величество, – литовец смотрит в глаза весело и даже дерзко, впрочем, у потомка славного рода, бывшего одно время первым в Великом княжестве Литовском, на то есть основания.

Сапегы – шляхетский род герба «Лис» в Великом княжестве Литовском, унаследовав в середине XVI века владения Гольшанских, стали пользоваться огромным влиянием. Пик могущества Сапег пришелся на начало XVIII века, когда они вели междоусобные войны с остальной шляхтой, в конечном счете подорвавшие их силы.

– Благодарю граф, – все еще криво усмехаясь, но постепенно приходя в себя, произнес Петр, – жизнь спас. Проси, что хочешь!

– Ваше Величество, я второй день в твоём лагере, хочу попасть к тебе на аудиенцию, но чиновники, находят тысячу причин для отказа.

– Приходи вечером в мой шатер, буду ждать тебя граф.

Слуга, представивший гостя, склонил голову и задернул за собой полог. В шатер вошел Граф Казимир Владислав Сапега, воевода трокский. Уютно, но внутреннее убранство не поражаало, у многих шляхтичей куда роскошнее. На походном столе перед Петром на полотняной скатерти в хрустальных кубках задорно искрится венгерское, на блюдах – горки остро пахнущих пряностями кровяных, свиных и ливерных колбасок, сыры, ароматный, только что испеченный пшеничный хлеб. На губах царя приветливая улыбка. По правую руку высокий и худой молодой человек с наглым лицом, на плечах полковничьи погоны. Литовец уже научился различать воинские звания у московитов. Меньшиков, фаворит царский, понял он. Что находится дальше не видно, длинные, искусно расписанные раскладные перегородки перекрывают обзор, и кто еще может там прятаться, непонятно.

Граф снял шапку, украшенную дорогим павлиньим пером, с достоинством наклонил голову:

– Рад приветствовать Ваше Величество.

Петр поднялся, взяв за плечи, крепко тряхнул, указал рукой на накрытой стол:

– Присаживайся граф, не откажешься поужинать с русским царем?

– Не откажусь, – немного с акцентом, не чинясь, произнес литовец и присел напротив. Из-за тонкой преграды шатра слышались грубые мужские голоса, армия отдыхала после трудного сражения.

– За укрощение шведского хищника! – провозгласил, поднимая бокал Петр.

– Виват – дружно поддержали, вставая сотрапезники.

Гости принялись кушать. Об утреннем происшествии не сговариваясь решили не вспоминать. Граф не хотел упоминать о покушении, несостоявшийся убийца был единоверцем, царь, потому что откуда пришел удар еще непонятно, следствие только началось, а зацепок никаких. Насмерть зарубил Сапега вора, сие подозрительно, но опять же не будь его, никто не успевал защитить Петра. Пока ужинали царь был весел, рассказывал, как король шведский без памяти бежал от русских войск, хвастался захваченными трофеями. Литовский граф поддерживал веселье, но ни словом не упоминал причины, приведшие представителя одной из могущественных шляхетских фамилий Великого княжества Литовского в русский стан.

– Государь, у меня дело к тебе важное и тайное – сказал Казимир Сапега, после того как заморили первый голод и позволили приличия.

– Слушаю тебя граф, – кивнул Петр. Отодвинул в сторону кубок с тарелками и откинулся в кресле.

Сапега покосился на царева любимца, ведшего себя за столом скромно и предпочитавшего молчать. Петр, негромко, сквозь зубы:

– При нем можешь говорить.

Сапега поджал губы, но ничего не сказал, раз царь доверяет, то ему и подавно придется. Вскинув взгляд на Петра, произнес нервно:

– Клянусь честью, если бы не крайняя несправедливость Радзивиллов, Вишневецких и их приспешников ко мне, моим родственникам и сторонникам никогда я не пришел бы к тебе!

Радзивиллы – богатейший род в Великом княжестве Литовском, в 1518 году первым в государстве получивший княжеский титул Священной Римской империи.

Вишневецкие – литовско-русский род герба Корибут, ветвь князей Збаражских, которые, в свою очередь, были ветвью князей Несвицких.

Петр промолчал, лишь круглые глаза пытливо смотрят в лицо гостя. Ноздри короткого носа шляхтича трепетали, рот под жесткими щетинистыми усами крепко сжат:

– Король Август погиб в злосчастной битве у деревни Клишов. С тех пор Отчизна моя переживает хаос и бесправие чем и воспользовались бесчестные люди. Род Сапег был самым славным в княжестве, но сердца человеческие полны черной завистью. Радзивиллы, Вишневецкие и многие другие магнаты и шляхтичи вошли в преступный комплот против нас, завидуя нашей славе и могуществу.

Комплот – комплота, преступный заговор, союз против кого-нибудь.

– Мы могли их раздавить с самого начала, но бог помрачил наши умы в тот злополучный час. Мы бездействовали, а заговор рос и вскоре начались вооруженные столкновения. Враги собрали на нас Посполитое рушение. В несчастной битве под Олькениками много наших верных сторонников было посечено насмерть. Несколько родственников сдались, положившись на честное шляхетское слово и были на следующий день преступно умерщвлены. Выжившие подверглись многим бесчестным гонениям. Алчность и мздоимие наших врагов поистине не имеют границ. В нарушение всех человеческих и божеских законов и у нас, и у наших сторонников отобрали поместья и лишили всех должностей. Города и деревни под незаконной властью наших врагов пустеют, холопы деревнями бегут к тебе государь, даже многие и шляхетского звания спасаются от притеснений в твоих землях.

– Сочувствую, – произнес Петр, – братоубийственная война страшна и горек жребий угодившего под ее колеса, – он вытащил из кармана трубку. Меньшиков торопливо щелкнул зажигалкой, поднес огонек. Сапега вежливо ждал, стараясь не морщиться от вонючего табачного дыма, пока царь закурит. Мастерградская продукция не только в близлежащих странах, но и в Европе давно перестала быть экзотикой.

– Государь, – продолжил Сапега, – всей Европе известен твой ум и человеколюбие. Неужели ты дашь свершиться беззаконию?

Мертвенная бледность покрыла лицо литовца. Он твердо взглянул в глаза царю:

– Нам остается или покорится власти злодеев или драться. Наши сторонники, а их осталось в княжестве еще немало, все сядут на коня.

Петр прищурил глаза. О силе Сапег, бывших до злосчастного сражения некоронованными владыками литовских земель он ведал. Так что заявление графа более чем серьезно.

– И сколько вы сможете поднять сторонников? – благодушно попыхивая трубочкой спросил Петр.

– Не меньше восьми тысяч шляхтичей!

– Маловато будто бы для такого дела, – ввернул Меньшиков, удостоившись яростного взгляда литовца, на который он лишь усмехнулся.

– Государь, – со сдержанной яростью произнес Сапега, – мы устали от неурядиц нашего Отечества. Прими ты корону верховного владыки Великого княжества Литовского. Победитель разорявшего Речь Посполитую шведского льва как не кто более достоин носить ее. А мы будем твоими верными вассалами и подданными.

Наконец то, ради чего Сапега приехал, сказано. Одни, без мощной поддержки иностранного государства вчерашние некоронованные владыки Литвы восстановить свой статус не могли. Лучше поделится властью, чем все потерять окончательно.

Сапега добрался до трудного места. Откромсать от Речи Посполитой княжество, включавшее помимо собственно литовских земель еще и белорусские, означило настроить против себя всю Европу.

В шатре стремительно темнело, то ли туча закрыла солнце, то ли уже поздно. Петр, кусая чубук старенькой трубки произнес задумчиво:

– Спас ты меня от воровской руки убийцы, за то благодарен я тебе, но сие есть великая политика, в которой не руководствуются рыцарскими побуждениями. Времена, когда государи воевали не за интерес для своей державы, давно прошли. Не попасть бы нам из огня в полымя... Иван Грозный восстановил против себя пол Европы и получил несчастливую для России Ливонскую войну. С помощью Мастерграда Русское царство выстоит и ежели вся против нас пойдет, но на долгие годы на торговлю и взаимоотношения с Европой можно будет поставить крест.

– Европе сейчас не до Речи Посполитой, – высокий зыбый лоб графа Сапеги собрался в морщины, ноздри курного носа раздулись, – коли поможешь государь и если поклянешься хранить вольности шляхетские, примем тебе присягу также как гетман Хмельницкий в Малороссии. В Литве неурядица. Каждый магнат в собственную сторону тянет, власть можно голыми руками взять. Сейчас или никогда!

Литовец затаил дыхание и впился зрачками в непроницаемое, словно у игрока в покер круглое лицо русского царя.

– Данилыч, свет зажги.

Пока Меньшиков зажигал керосиновые фонари в шатре царило молчание, лишь Петр, негромко посапывая трубкой и попыхивая дымком, думал. Он давно уже не тот самоуверенный выюнош, встретившийся мастерградцам. Третий десяток разменял, многое познал, накопил жизненный опыт. Малая и Белая Русь... заманчиво, вот только раньше это было экономически неэффективно. Брать кусок, который не сможешь переварить... А зачем? Государства в Восточной Европе возникали вокруг торговых путей, шедших в основном по рекам. Новгородско-Киевская Русь сложилась вокруг легендарного «Пути из варяг в греки», Владимирская Русь, а за ней Московское государство стремилась к контролю над бассейнами Волги и Дона. Тот, кто контролирует Днепр и Прибалтийские порты, всегда сможет перекрыть торговлю в Литве и Белой Руси, местное население станет волком смотреть на захватчиков и тянуться на Запад, к тому, кто контролирует маршруты торговли. Теперь в руках Петра ключи для овладения Малой и всей Белой Русью: прибалтийские порты и низовья Днепра с выходом в море... вовремя подвернулся литовец.

Таинственные отблески заиграли на лицах людей и на расписных перегородках.

– Я православный государь и терпеть притеснения православных в своих владениях мне неуместно и самовольства панские, когда нынче сейм так приговорит, а завтра какому-нибудь

пану взбредет в голову крикнуть «Вето» и все насмарку... Вот если бы был один, кто за княжество отвечает и чье слово никакой сейм не отменит, тогда можно рассматривать кондиции.

– Государь, мне и самому самоуправство шляхетства, подстрекаемое Радзивиллами, Вишневецкими и другими магнатами стоит поперек горла. И вольности православных мы готовы соблюдать.

– Ну что же коли придем к согласию... об условиях договора будешь говорить с Емельяном Игнатьевичем Украинцевым.

Больше о политике не говорили. В хрустальные кубки полилось янтарное вино. Вечер провели весело, но без излишнего шумства.

Через месяц граф Казимир Владислав Сапега, воевода трокский, выехал из Риги в сторону покинутой Родины. Позади него поднимала пыль из утопанной столетиями дороги тысяча добрых пехотинцев, вооруженных мастерградскими фузеями и стальными пушками. Наняли их на деньги царя на год, этого должно хватить. Позади графа ехало шестеро невзрачных с виду всадников: мастерградский офицер и пятеро его подчиненных. Ничего в их внешнем виде не говорило о том, что это ужасные головорезы-спецназовцы, способные украсть из собственной спальни короля. В середине колонны в сопровождении сильной охраны двигалась карета с сундуком, доверху наполненный злотыми. Как известно груженный золотом ишак открывает ворота в любую крепость, но самым главным оружием был договор с царем Петром и его грозными мастерградскими союзниками. Граф признавался владельцем Великого княжества Литовского, входившего на договорных условиях в состав русского царства. Права шляхетства на безумства: выборность и ограничение прав главы княжества, право на законное восстание, право одному участнику сейма отменить решение, принятое большинством, отменялись, они приравнивались в правах с русским дворянством, православные уравнивались с прочими христианами. На территории княжества продолжал действовать подлежащий реформированию статут Великого княжества Литовского от 1588 года, а в городах – Магдебургское право. Потерявший все: владения и должности, яростно ненавидимый литовскими магнатами клан Сапег Петр посчитал лучшим вариантом для управления будущим литовским княжеством в составе русского государства. Удержаться у власти они могли только при поддержке православного населения княжества и русского штыка и не могли изменить присяге русскому царю. В этом случае не Россия, а местные магнаты с клиентурой мгновенно разорвали бы их.

Огнем и мечом, золотом и коварным ударом из-за угла будет создано литовское княжество, верный вассал русского царства.

Магдебургское право – одна из наиболее известных систем городского права, сложившаяся в XIII веке в Магдебурге как феодальное городское право, согласно которому экономическая деятельность, имущественные права, общественно-политическая жизнь и сословное состояние горожан регулировались собственной системой юридических норм, что соответствовало роли городов как центров производства и денежно-товарного обмена.

Статут Великого княжества Литовского 1588 года – третья редакция сборника законов Великого княжества Литовского. Источниками Литовского статута послужило обычное право, местная судебная практика, «Русская Правда», польские судебники и сборники законов других государств.

***

Солнце неторопливо падает к закату, окрашивая запад в багровые цвета. Колокольный звон летит над черепичными, красными крышами Риги, поднимает целые стаи ворон, с недвольным карканьем кружащиеся в стылом, прибалтийском небе. Православные празднуют третье обретение главы Иоанна Предтечи (7 июня).

Свежий соленый ветер туго надувает паруса движущейся по Даугаве фордевиндом небольшой эскадры из четырех кораблей. Волны бессильно бьются об острые форштевни.

Чайки, спутники мореплавателей, то с криком взлетают ввысь в вечно хмурое прибалтийское небо, то падают почти до поверхности реки. Бьются, трепещут на промозглом ветру, словно живые, русские стяги на кормах. На палубах кипит обычная судовая жизнь: снуют моряки, раздаются грубые голоса, привыкшие перекрикивать грохот морских бурь, выкрики, свист. Мимо проплывает сплошная стена отсыревших бревен с множеством спусков к воде, закрывающая набережную Даугавы. Десяток небольших речных судов приткнулись к пристани. Лес мачт с паутиной снастей вздымается над ними. Шум, суэта портового города. Вповалку лежат на пристани горы тюков, мешков и бочек, бунты пиленного леса. Муравьями снуют грузчики с корабля на берег и обратно, груженные подводы торопливо отъезжают в сторону, на их место немедленно встают пустые.

Фордевинд (нидерл. voor de wind), или по ветру – курс, при котором ветер направлен в корму корабля. Про корабль, идущее в фордевинд, говорят, что оно «идет полным ветром». Угол между направлением ветра и диаметральной плоскостью судна в этом случае около 180°.

Суда идут дальше к соединявшему берега Даугавы наплавному мосту. Река у берега слишком мелкая для крупных кораблей, поэтому на набережной разгружается всякая мелочь. Морские суда причаливают к мосту, туда же, только с другой стороны подходят с верховья речные. Доставленный груз перегружается с одного корабля на другой, чтобы отправиться морем дальше, в страны балтийского побережья. На берегу, там, где располагалась бывшая верфь полковника Крунштерна, кипит жизнь: стучат топоры, пронзительно визжат пилы, негромко шумит паровик, на стапелях бесстыдно белеют ребра строящихся кораблей. Пахнет дегтем, стружками, морскими канатами. «Старые» плотники и корабли вернулись на верфь. В дополнение к ним приехали работавшие на архангельской верфи мастера вместе с семьями. Поселили их в домах сбежавших шведов и немцев, теперь Рига их новый дом. Русские бегству не желавших жить под подданством царя не препятствовали, но забрать с собой разрешали только то, что беженцы могли унести в руках. У кромки воды в окружении соратников гордо подбоченясь ожидает прибытия эскадры царь Петр Алексеевич.

Горящий восторгом взгляд направлен на приближающиеся суда. Красивы! Обернулся, нашел взглядом Петелина.

– Удружил! Не забуду!

– Все как договаривались Петр Алексеевич. Принимай первые корабли военного балтийского флота России!

В царской свите оживились, зашептались: «Сила! Ужо покажем шведу!» Посмотреть было на что. Четыре построенные по мастерградским чертежам паровые корветы, с совершенными обводами корпуса, стальными килем, шпангоутами и штевнями были прекрасны особенной красотой, отличавшей предельно функциональные и совершенные изделия умелых человеческих рук, и производили впечатление грозной силы. Правда и стоили царской казне немало. Зато достойных соперников на Балтике им не было. Время, когда шведы могли безнаказанно блокировать отвоеванные русской армией, порты заканчивалось. Море викингов, ганзейских купцов, потом владение шведов теперь станет русским. Особенно ценным было то, что экипажи судов полностью из подданных Петра: матросы из стажировавшихся на мастерградских кораблях, а офицеры и механики из выпускников Архангельского военно-морского училища. Обучали «без дураков», за два года курсанты успевали совершить несколько походов под парусами по суровому Баренцеву морю и пройти практику по нескольким специальностям.

Бастионы форта на противоположном берегу реки: Коброншанца (переименованного Петром в Орешек-крепость) охранявшие подходы к Риге окутаны пороховым дымом.

«Бабах» донесся басовитый звук и эхом загулял над речной гладью. Корабли салютовали ответно.

Царь подошел, крепко обняв, по русскому обычаю расцеловал смутившегося мастерградского посла.

На шедшем последним корвете с надписью на корпусе «Иван Грозный» густо задымила труба, корабль повернул к берегу.

– Это куда он пошел? – обернувшись, немедленно поинтересовался царь.

– Петр Алексеевич, – ответил Петелин, – В Северном море корабли попали в шторм, потрепало их сильно. На «Иване Грозном» из трюмов пришлось выкачивать воду. Пусть мастера на верфи осмотрят корпус.

Царь нахмурился, но промолчал. Кивнув, вновь отвернулся к реке.

***

Попавшим в плен шведам предложили продолжить службу, но уже в рядах русской армии. Желавших оказалось довольно много – только в первые недели около половины пленников: рядовые и унтер-офицеры принесли присягу Петру. Всех их отправили на пополнение гарнизонов ведущих постоянную войну с шайками разбойничающих татар, адыгов и черкесов Причерноморья и северного Кавказа. Бывшие каролинеры получили шанс собственной доблестью и умом продвинутся на русской службе. Отказавшихся примкнуть к победителям, включая сопровождавших шведскую армию гражданских, придворных и женщин, ждал долгий путь на мануфактуры и заводы России: Ярославля, Ростова, Новгорода, Владимира, Муром, Вологды, Архангельска, Уфы, Казани и Чебоксар. Безвозмездно кормить Петр не собирался. Живите на присылаемые с Родины средства или работайте и получайте средства на пропитание.

Не испытывавший никакого почтения перед «просвещенными» европейцами Петр установил в завоеванных областях Прибалтики те же порядки что и в коренной России. Курс взяли на быстрейшую интеграцию новых земель и ассимиляцию местного населения. В судах действовало русское законодательство, ни о каком сохранении «старых» порядков и речи не шло. По решению патриарха в крупные города прибыл многочисленный «десант» миссионеров, склонять местных к переходу в православие. Проповеди их находили отклик в сердцах людей. Коренное население прибалтийских областей: эсты, ливы, проживавшее в основном в многочисленных деревнях и хуторах при переходе в православие получали личную свободу и возможность переселиться в город или уехать на черноземные земли Причерноморья и очень многие сделали выбор в пользу религии победителей. Кюре и пасторам оставалось только бесильно злобствовать. Дворянство, немецкого или шведского происхождения поставили перед выбором: или уезжать к своему бывшему монарху, в этом случае их земли отходили в казну, или присягнуть перед богом русскому царю. Многие не согласились. Печальный поток изгнанников хлынул через польскую границу, а сотни поместий поменяли владельцев. Петр щедро раздавал бесхозные земли отличившимся офицерам, часто выходцам из малоимущих дворян, а то и низших классов. Те за возлюбленного царя, отца и благодетеля, готовы были жертвовать всем на свете – имуществом, жизнью, женами и детьми.

По договоренности с предводителями староверов несколько десятков тысяч человек готовились к переселению в прибалтийские города. Местным немцам, составлявших в них большинство, предстояло потесниться в торговых делах. Традиционно староверы торговали так же ловко, как и они. В итоге города получают смешенное, русско-немецкое население.

Основанный еще королем Густавом II Адольфом в 1632 году университет в городе Тарту (Universitas Gustaviana) переводился на русский язык преподавания. Гнездом вольнодумства и национализма ему уже не стать.

Глава 3

Собачья вахта заканчивалась. С богом! Капитан Лофтус, командир особой роты, обученной и оснащенной при участии беглеца из Mastergrad по кличке Чумной, истово перекрестился. Благоволение Божье сейчас необходимо как никогда. Придерживая у бедра рукою в перчатке длинную валлонскую шпагу первый, выскользнул на палубу. Сырой ветер пробрал до костей, пахнуло речной сыростью. Замер, глаза настороженно сузились, увидеть что-либо проблематично, зато можно услышать. В низкую каюту тотчас же ворвался холодный ночной воздух, огоньки свечей заколебались, высветив одетых в черную свободную одежду вооруженных людей с измазанными сажей лицами. Один за другим они бесшумно, словно призраки, появились на палубе. На поясе шпага и кинжал с набором метательных ножей. Там же двустольный пистолет. В руках необычный карабин: ствол не длиннее, чем у солдатского пистоля, приклад в виде баллона конической формы. Способен в считанные секунды, зная только нажимая на спусковой крючок, выпустить по врагу шведской короны магазин на два десятка пуль. Очень искусная дорогая работа, но для особых воинов королю Карлу ничего не жалко. Ветер разогнал тучи, желтое блюдце луны показалась на небе, светящаяся дорожка пробежала по воде. Это не хорошо. Луна враг диверсанта. Тишина, в рыжем двинском тумане видно плохо, лишь торчат вдали реи судов, речная вода бьется о корпуса кораблей, брешут на запоздалых прохожих собаки. Каменные здания складов, порт, все скрыто утренней дымкой. Похоже шведов никто не ждет. Спектакль с голландским флагом удался. В Архангельске не заподозрили, что часть экипажа вполне себе мирного торговца совсем не те, за кого себя выдают.

Шлюпки с русскими таможенниками у парадного трапа встретил штурман «Утрехта», пожилой щеголь с забавной косичкой, уложенной по-походному в кожаный мешочек. Учтиво поклонившись, представился и рассыпался в извинениях, что капитан не смог встретить. Заболел и просит пройти в кают-компанию.

Оставив половину солдат у шлюпок, лейтенант-таможенник направился вслед за штурманом. Впереди знаменосец с русским флагом, позади выбивают дробь два барабанщика. Все как положено по артикулу несения таможенной службы. В кают-компании на столе стоят столовые приборы на четверых. Солнечные лучи преломляются в многочисленных бутылках, в серебряных супницах отражается богатая обстановка каюты. Высокий и ладно скроенный человек в партикулярном (гражданском) платье и жестким взглядом уже ожидает за столом. Глубокий шрам, словно от доброго удара шпагой разрезал левую бровь, придавая лицу грозное выражение. На диване укрытый периной краснолицый капитан. При виде русского он с любезной улыбкой привстал и наклонил голову. Таможенный офицер был новеньким. По крайней мере капитан в прошлом году, когда он приходил в Архангельск, его не видел.

– Его царского величества войск таможенной стражи лейтенант Синицын с солдатами. По первому прощу ввиду флага государства российского всех встать! —таможенник словно не заметил подготовленное угощение.

Барабанщики выбили сигнал. Иностранные гости переглянулись, нехотя поднялись. Кожа на лбу капитана сморщилась от удивления, не такой он ожидал прием. В прошлый раз удалось все решить по-тихому. Таможенник отодвинул столовые приборы, придерживая рукой саблю у бедра, присел. Достал из сумки на боку тетрадь и ручку мастерградской конструкции. Такие сейчас делали в Москве на мануфактуре купцов Свиных.

– А где мениэр капитан Иволгин? Милейшей души человек, – опускаясь обратно на диван расплылся в благожелательной улыбке капитан.

– Государь вызвал его в Москву, а за него я буду службу править! Прошу отвечать на статьи опроса! – требовательным голосом произнес таможенник.

Капитан послушно наклонил голову.

– Мениэр лейтенант, к чему такие строгости! Мы мирные негоцианты и Соединенные Провинции в мире с вашим царем! – произнес он, прижимая пухлые руки к груди, – может перекусим, чем бог послал? – кивнул на стол.

– Вы какого пришли в Архангельск? – спросил русский, – десятого? Вот... в том то и дело... есть указание, что на прошлой неделе воры прямо в море грузили на иностранный корабль рухлядь пушную, а сие запрещено Соборным уложением государей Петра и Ивана. А кто грузил, на какой корабль, нет указания.

Таможенник разочарованно развел руками. Гражданский за столом поджав тонкие губы настороженно рассматривал офицера. Капитан несколько мгновений остолбенело молчал, затем слегка покраснел:

– Мениэр лейтенант, тут какая-то ошибка, мы не имеем никакого отношения к пушной рухляди.

– Сие неизвестно! Посему не мешайте службу справлять! – русский значительно поднял указательный палец вверх.

«Дурак какой-то! Ладно пусть смотрит, все-равно ничего не найдет!»

– Имя сему кораблю?

– Сей корабль зовется «Утрехт», – любезно улыбаясь ответил капитан.

Морща лоб и прилежно шевеля губами таможенник написал крупными буквами: «Утрехт». Гражданский презрительно сощурил глаза, через миг лицо приняло прежнее благожелательное выражение.

– Которого государства корабль? – продолжал править службу русский, – Не были ли вы в недужных местах, не имеете ли пушек более, чем потребно для защиты от морского пирата, не находитесь ли вы в союзе и дружбе с королем Карлом, не прибыли ли по его приказанию, не есть ли среди вас скрытые шведские воинские люди?

– Нет! Ни в коем случае! – вновь прижав руки к груди энергично затряс головой капитан. Штурман подал ему библию. Положив на нее левую руку, а правую подняв кверху торжественно поклялся перед ликом всемогущего Господа, что они суть мирные негоцианты, с королем шведским не знали и в недужные места не ходили. Затем капитан благоговейно приложился губами к обложке библии.

Шевеля губами и морща лоб, лейтенант принялся просматривать судовые документы, но ничего настораживающего не нашел, что не удивительно, шведская королевская типография знала свое дело туго. «Держатся хорошо, спокойно, не найду я ничего, здесь все чисто». Наконец отложив бумаги в сторону, поднялся с места.

– Чашку турецкого кофе ради сырой погоды? – любезно улыбнувшись предложил капитан.

– Спасибо, но нужно службу править! – ответил русский, – пойду посмотрю ваши товары.

Провожаемый ласковой улыбкой капитана русский в сопровождении штурмана вышел. Где-то на палубе загавкали собаки. Русские таможенники с некоторых пор стали применять обученных искать контрабанду псов.

– Не так прост этот лейтенант, как хочет казаться, – произнес гражданский и задумчиво побарабанил пальцами по столу.

Таможенники облазили корабль от рей до трюма, но так ничего запрещенного не нашли, не помогло даже применение собак...

Что кому делать обговорено заранее. Низко склонившись, один за другим прекрасно обученные, в хороших панцирях из доброй стали солдаты шли вдоль борта к шлюпкам. Если они не выполняют задание шведского короля, то кто? За плечами висят мешки с новейшим шведским изобретением – пороховыми минами с часовыми механизмами, при взрыве разбрасывающими во все стороны пылающий керосин. Несколько десятков очагов пожаров, разбросанные по всему построенному преимущественно из дерева городу москвиты не смогут потушить и

выгорание большей части его неизбежно. Пусть мастерградское изобретение поработает против собственных создателей. Шлюпки опустились на воду, ни звука, ни всплеска, бесшумно причалили к отсыревшим бревнам пирса. Двое выскочили на берег, подтянули хрупкие суденышки. Больше они не понадобятся. Четверо матросов из экипажа отведут кораблики назад и все. Никаких следов причастности к пожару. Уходить планировали по суше, так безопаснее. Найти обученных диверсантов в глухом карельском лесу задача почти не выполнимая. Через две недели их подберет в условленном месте на побережье Белого моря корабль. Тишина, лишь квакают всполошившиеся лягушки. Лениво замычала за частоколом корова. Утоптанная до каменного состояния грунтовая дорога от пирса идет между огороженных забором домовладений вглубь города.

Капитан молча ткнул рукой в длинной перчатке в самых умелых: Карла и Эрика двух светловолосых близнецов. Высокие, сильные и в то же время ловкие в рукопашной схватке. Наверное, такими были древние викинги, наводившие ужас на берега морей, штурмовавшие Париж и Севилью. Понятливо кивнув, они передали товарищам заплечные мешки. С длинной шпагой в правой руке и коротким кинжалом с чашей, изрезанной мелкими и кривыми отверстиями для того, чтобы острие шпаги противника застревало в щитке, в левой, пистолеты за поясом, карабин «за спиной», направились вперед. Через минуту за ними последовал остальной отряд.

Лишь наблюдавшая с неба любопытная луна видела бесшумно, насколько это возможно, передвигающуюся вдоль высоких заборов короткую колонну бойцов. Зайди луна за тучи, тогда даже самый остроглазый и бдительный наблюдатель в чернильной тени около заборов ничего не заметит. Несколько мгновений, и колонна растворилась в ночной тьме. Был кто или привиделось уже не разберешь. В окнах домов ни огонька, люди спят после трудового дня. Лишь изредка тишину нарушает лай нехоти проснувшегося дворового кабыздоха. Капитан Лофтус двигается посередине колонны, так проще контролировать обстановку и командовать людьми. Да, их не много, зато каждый стоит нескольких и умеет столько, сколько и не снилось лучшим воинам. Пробежать подобно коню много верст и не отдыхая вступить в смертельный поединок с несколькими противниками, убить голыми руками, соорудить из подручных материалов смертельную ловушку, притворятся другим столь искусно что любой признает за своего, бойцы могли все это и многое другое. К тому же и опыта им не занимать, датчанам и саксонцам уже устраивали проблемы.

Лофтус узнавал и не узнавал Архангельск. За десять лет, прошедших с момента посещения единственного русского порта на Севере, город изменился. Появилось множество двухэтажных строений, улицы замостили деревом, а кое-где камнем. Днем он прошелся по обремененному городу. Нищие с паперти у церкви исчезли. Работы много. Хоть на мастерградских верфях, хоть на царевых. А хочешь вербуйся на корабль: с поморами на рыбалку или на морского зверя, можно и на торговца, в Европу ходить. Город расцвел, дышал благополучием и довольством. Жалко такой уничтожать, но придется.

Он вспомнил памятный разговор. Аудиенция была за день до отъезда Карла Двенадцатого в действующую армию в Польшу, когда последние дела доделывались второпях. Король принял в охотничьем замке Кунгсер, в собственном кабинете. Стемнело на столе перед Карлом горела керосиновая лампа, отбрасывая таинственные блики на одутловатое лицо и расстеленную перед ним карту северной Европы.

– Мой верный Лофтус перед Вами стоит задача необыкновенной важности. Архангельск должен быть выжжен до основания. Сжечь верфи и все корабельные запасы. Население включая корабельных мастеров должно погибнуть в пожаре. Жертвы москвиты меня не интересуют. Не щадить никого! Они должны бояться строить корабли и забыть о кораблестроении хотя бы на несколько лет. Моря должны остаться за шведской короной.

– Да, мой король, – собеседник короля послушно наклонил украшенную коротким париком с косичкой голову.

Карл холодно улыбнулся.

– Много кораблей строят москвиты на верфи?

– По нашим сведениям шесть. Из них четыре почти достроены. До середины лета вступят в строй.

– У них хватит матросов и главное офицеров? – с сомнением осведомился король.

– Офицеров у них готовит училище, там же в Архангельске, а моряки проходили практику на судах караванов, регулярно ходивших вокруг Скандинавского полуострова в Европу. Полагаю, что людей у них хватит.

– Вы прекрасно проявили себя в датской и польских компаниях. Я рассчитываю на Вас! Москвиты не должны прийти в Балтийское море, ты меня понял Андерс?

Капитан поклонился. Король отвернулся, давая понять, что аудиенция окончена. Окрыленный капитан с уважительным поклоном покинул кабинет. Выполнение личного поручения короля открывало перед небогатым дворянином из шведской глубинки такие перспективы, что дух захватывало...

«Русские не сумели обнаружить наш отряд, значит обречены. Очистительное пламя вспыхнет над верфями, арсеналом и в районах проживания корабельных мастеров. Надолго запомнят шведский визит!» Спустя мгновение рот Лофтуса превратился в жесткую складку...

Две тени бесшумно скользили по спящим улицам. Тишина, негромко гудит ветер в ветвях деревьев, где-то далеко брешет глупая собака. Лиц не разобрать, контуры тел в бесформенной одежде тают в ночной тьме, размываются. Проскользнули дальше: безликие порождения ночи растворились в бесконечном сплетении улиц.

«Пок! Пок!» звуки едва слышные в ночи. Не громче чем скрипит в траве влюбленный кузнечик. Пули пронзают в тела. Тени рушатся на землю, один мертвый, второй лишь тяжело-раненый. Негромкий хрип.

Двое других, похожих в темноте на первых словно отражения, беззвучно перемахивают забор на противоположной стороне улицы. В руках нечто до боли напоминающее пистолеты 20 века с навинченными на них глушителями. Контроль – это азы профессии спецназовца. Дозор не должен предупредить шведов об опасности. Один слишком приблизился к умирающему. Неосторожно! В лунном свете молнией взлетела рука с намертво зажатым эфесом тяжелой валлонской шпаги, одинаково хорошо рубящим и колющим.

От верного удара в сердце убийцу не спасет даже добрая сталь панциря. Опытный спецназовец не успел ничего сообразить, но на автомате крутанул корпус. Шпага соскользнула.

Ребра и левую руку ужалила внезапная боль.

«Пок! Пок!» – вновь выплюнули смерть пистолеты. Пули разнесли черепа шведов. Тела вздрогнули... на этот раз все.

– Сиплый? «Ты как?» —тревожным шепотом произнес не пострадавший боец.

Раненый провел рукой по комбинезону с ненавистью, но и с уважением глядя на тела погибших, вновь буквально ожгло болью. На руке липкое. По боку течет кровь. Пальцы нащупали вспоротые одежду и кевларовый жилет. Силен швед, умирая едва не достал. Похоже лезвие порвало кожу на боку и глубоко вспорол левую руку. Возможно, надломлены ребра.

– Ерунда, но этих, – раненый махнул рукой на тела, – придется убирать без меня. Задел с_уко.

– Куда же ты лезешь? – убедившись, что жизни напарника ничего не угрожает злобно прошипел первый, – Блин мало тебя майор имел, кто же лезет так близко?

– Да – махнул рукой раненый, – так получилось...

Отряд спецназа заворачивает за угол забора вокруг двухэтажного кирпичного дома. Капитан Лофтус настороженно вглядывается в тревожную тьму и изо всех сил вслушивается в

звуки ночного города. Ничего и никого: тьма, заборы, луна в небе и тьяканье перелаивающихся дворовых собак. Что-то не нравится, но что именно не понять. Только инстинкт бывалого диверсанта буквально взывает от тревоги. Слишком гладко, слишком все без помех. Осторожно идут дальше. До первой цели: арсенала, осталось всего пара сотен шагов. Не верится, что московиты могут быть столь беспечны. Все изменилось в один страшный миг. Никогда не слышимый шведами ранее низкий и грозный рык, отдаленно напоминающий звук работающего паровика, разорвал в клочья ночную тишь. Вспыхнувшие на ветвях растущих вдоль высоких заборов деревьев огни, превратили ночь в день, ярко осветили крадущихся шведов. Растерянность длилась всего несколько мгновений, пока зрение приспособилось. На дорогу впереди и позади отряда, словно чертики из табакерки с рычанием моторов выкатились известные по докладам имевших несчастье с ними встретится боевые повозки мастерградцев. Перегородили дорогу, сверкают доброй сталью. Тонкие дула скорострельных фузей в особой башенке наверху качнулись, беря шведов на прицел. Лофтус почувствовал, как у него похолодели ноги, а спина покрылась холодным потом. Сердце на миг остановилось в груди. «Нас как дураков поймали в засаду! Но почему, как? Но все это потом. Сейчас необходимо вырваться из подстроеной коварными московитами ловушки. Ни вперед, ни назад нельзя, путь закрыт».

Лофтус вскинул руку со шпагой вверх и выкрикнул команду. Шведы птицами взлетают на заборы и тут же падают сбитые добрыми ударами дубинок появившихся над заборами бойцов. Шатаясь, диверсанты поднимаются с земли. Один сидит, раскачиваясь, обеими руками держит окровавленную голову. Двое остаются лежать без сознания. Переборщили хозяева с «приветствием» незваных гостей.

Коротко прогрохотала скорострельная фузея перекрывавшей путь боевой повозки. Землю перед отрядом перечеркнула пыльная очередь попаданий.

– Незваные гости, – послышался ниоткуда громовой голос по-шведски, – спецназ Мастерграда предлагает вам сдаться, иначе вы будете уничтожены. Бросаем оружие и садимся посередине улицы на корточки!

Солдаты, те, кто в сознании, сгрудились вокруг командира. Одна надежда на него. Он не раз вытаскивал их из смертельных ловушек. Шведы начала восемнадцатого века – это совсем не то толерантное нечто в штанах, неспособные защитить жен и детей от насильников, приверженцы «голубых» ценностей, какими их знали пришельцы из двадцать первого века. Жесткие как сталь, бесстрашные убийцы и верные сыны лютеранской веры, фанатично верящие в собственную «исключительность», они были достойными продолжателями традиций викингов. Шведы не дрогнули.

Капитан Лофтус затравлено оглянулся, ему хватило пары мгновений чтобы понять безнадёжность положения. Место засады выбрали хорошо. Вокруг высокие заборы, за ними вновь спрятались русские бойцы, дальше мрачные громады каменных зданий, окна закрыты железными ставнями. Спасти невозможно. Слишком хорошо московиты подготовили ловушку... Но если нельзя спасти жизнь, то еще можно спасти честь!

Капитан вложил клинок в ножны и взял в руки пневмобаллонный карабин. Перекрестился. На лице решительность и обреченность.

Вновь послышался громкий голос:

– Сдавайтесь или будете уничтожены!

Повисла напряженная тишина только откуда-то издали ветер доносил испуганное тьяканье собак. Рука капитана в длинной, почти до локтя черной перчатке махнула в направлении боевых повозок русских.

– Framat!

Лица бойцов ожесточились. Погибать в цвете сил не хотелось, но долг перед королем и Швецией они помнили. Первым навстречу боевой машине Мастерграда молча бросился капитан, за ним остальные. Тихие щелчки выстрелов из пневмобаллонного карабина разо-

рвали ночь в клочья. Пули бессильно рикошетировали от стальной туши боевой машины. Несколько секунд русские молчали. Затем дуло мастерградской БТР окутало алое как кровь пламя, загрохотало. Грудь капитана Лофтуса наискось перечеркнула ярко – алая цепочка попаданий. Мертвое тело отлетело назад. За ним избиваемые оружием грядущих веков рухнули на землю остальные шведы. Ни один не остановился, ни один не дрогнул. Вода в лужах под трупами потихоньку наливалась розовым...

Грохот пулемета прекратился, лишь легкий дымок все еще вился из дула. Люк на БТР откинулся назад. Вылезший на броню человек в форме танкиста ошалело огляделся. Вот это звери, силен швед... Ни один не сдался. Добыча мастерградцев лишь двое пленников, потерявших сознание от добрых ударов русских засадников.

***

Противостояние между православным большинством и католиками, тлевшее на подвластной полякам территории западной и центральной Украины, то и дело прорывалось наружу искрами восстаний, взаимных налетов и убийств. Католическая шляхта отказывалась признавать даже минимальные политические права православных подданных, но пока существовала внешняя угроза их терпели. По итогам русско-турецкой войны Россия захватила бывшее Дикое Поле, Оттоманская Порта была отброшена за Днестр, а ее вассал Крымское ханство заперто за узким перешейком Перекопа. Мусульманская угроза ослабла и услуги казачьей сабли стали не нужны. Этим немедленно воспользовалось гонористое польское панство. В июне 1699 года постановлением сейма Речи Посполитой казачью милицию расформировали. В августе 1701 года у наказного гетмана правобережного казачества Самуся попытались забрать ранее врученные ему военные клейноды (символы власти): булаву, бунчук, печать и пять пушек. Это стало последней искрой, воспламенившей бочку с порохом давнего противостояния. Поляков не остановило даже то, что терзаемая шведами Речь Посполитая погрязла в междуцарствии. Шляхта никак не могла выбрать нового повелителя взамен погибшего короля Августа.

Не стерпев новой обиды и понадеявшись на силу братского великорусского оружия, казачество и православная шляхта правобережной Украины взбунтовались.словно бешенный степной пал огонь восстания побежал по хуторам и городкам Подолья. Пришло время говорить саблям и мушкетам. Территорией между Днепром и Збручем с Горынью, овладели страх и паника. Жарко запылали шляхетские маетки, гибли или бежали прочь польские паны и евреи. Восставшие взяли штурмом сильную польскую крепость Белая Церковь. Все попытки силой подавить казачье восстание оказались безуспешны.

Окрестности Немирова, небольшого городка под Винницей в Подолии. Серп месяца с усыпанного звездами летнего неба вместе с стоящим на берегу двухэтажным зданием отражается в тихих водах заросшего ряской пруда. Ночь дышит тишиной и миром. Казачий отряд, человек сорок конных, выехал на берег. Неумолчно квакали лягушки, ветер гнул, шумел росшим по берегам камышом. Впереди, на прекрасном аргамеке большой стоимости, ехал высокий худой казак с отвисшими полуседыми усами, но все еще крепкий телом. В ногах монотонно ходили стремяна, стремительно строчили конские копыта, о крылья седла терлись занемевшие ноги. Новомодные пистолеты мастерградской работы задвинуты за широкий пояс, их щедро поставлял повстанцам новый гетман Левобережья Кочубей, сабля в ножнах у ноги. Недолгая дорога показалась ему бесконечно длинной. Наконец он поднял руку, конь остановился. За ним – остальные казаки. В сердце старого воина бушевала настоящая буря, которую давно должен был затушить пепел годов, но это только казалось. Наконец он отомстит!

Казаков еще не заметили. Сонно побрехивают собаки за тонувшим в густой вербе и высоким бурьяне, окружавшем двор частоколом, множество груженных возов стояли около дома. Не иначе как хозяин маетка собирался сбежать от разгорающегося костра казачьего восстания. Узкие, без слов говорящие об изрядной доли татарской крови глаза настороженно сузились. Похоже утром хотел удрать клятый лях. Он почувствовал лютую, огромную радость, такой при-

лив сил, что помимо воли его из горла вырвался повизгивающий, клопочущий хрип. Вовремя я...

– Здесь он пан полковник! – тихонько произнес ехавший позади худой как щепка казак с взглядом бесшабашным и лихим, – сам видел!

– Это хорошо, – произнес предводитель, не оборачиваясь и негромко добавил, – ну здравствуй бывший Михайло – побратим, а ныне поляк Михась. Вот и встретились.

Бешенная, злая улыбка исказила черты лица. Сердце старого казака забилося так сильно, словно было готово разорвать грудь. Видит бог, не от страха – он и тени страха не испытывал, – а от возбуждения.

Рука изо всех сил сжала поводья коня. Он повернулся и махнул рукой:

– Айда панове казаки!

Ночную тишину разорвал оглушительный свист, эхом пронесся над прудом пока не затих вдалеке. Испуганный крик сторожа утонул в предсмертном хрипе, но было поздно. Загремели фузеи доброй мастерградской работы, огненные вспышки разорвали мрак. Конский топот смешался с угрожающим лязгом вытаскиваемых из ножен клинков.

У ворот казаки соскочили с коней, под их дружным напором они со страшным грохотом обрушились на утоптанную до каменного состояния землю. Навстречу грянули выстрелы, но уже поздно, нападавшие проникли во двор. Заблестели клинки в свете полной луны, раздались новые крики и лязг стали. Впереди шли телохранители полковника, рубя каждого, до кого могли дотянуться. Шум битвы вскоре затих. Люди пана Михася храбро защищались, но через несколько минут все было закончено. Во дворе в лужах крови остались лежать несколько человек, оставшиеся скрылись в доме. Из узких окон показались дула ружей, град пуль ударил по казакам. Они дружно прижались к стенам, куда не могли выстрелить их противники.

– Руби двери! – приказал полковник.

Казаки выхватили заботливо припасенные топоры. Зажженные факелы осветили сделанную из толстых дубовых досок и сплошь покрытую огромными гвоздями, от которых зазубривались топоры, дверь. Запертая на железные засовы и похоже еще подпертая изнутри она была трудным противником. «Бам! Бам!» – далеко разносилось по окрестностям. Меняясь каждые несколько минут, казаки бешено рубили и понемногу дверь начала поддаваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.